

Сергей Арьков

ТЁМНАЯ РАТЬ

18+

Сергей Арьков

Тёмная рать

«Автор»

2016

Арьков С. А.

Тёмная рать / С. А. Арьков — «Автор», 2016

Две противоположности, дети двух разных миров. Выкованный лихими девяностыми браток и вскормленный временами стабильности тихоня. Свести их вместе под силу лишь катаклизму планетарного масштаба. Но иногда даже конец света не так страшен, как выпавший на твою долю спутник. Что окажется проще: выжить среди орд зомби, или вытерпеть друг друга?

© Арьков С. А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Арьков

Тёмная рать

Глава 1

На белый свет Цент родился в стране победившего социализма, среди красных знамен и портретов вождей. Старшие рассказывали ему о временах достатка и сытости, о легендарной колбасе по пять копеек и прочих былинных вещах, но в осознанном возрасте он застал государство не в самом лучшем виде. Родина встретила своего нового гражданина дефицитом, километровыми очередями, талонами и витающим в воздухе душком агонии, который все упорно старались не замечать. На фоне острой нехватки продовольствия и все отчетливее проступающих над головой очертаний медного таза, верить в скорое наступление коммунизма было непросто. Больше походило на то, что наступит нечто иное, и час этот не за горами.

Но Цент был юн, циничен, и хотел взять от жизни все. Именно взять. И именно все. Он читал истории о пионерах-героях, что отдали свои жизни Родине, читал о великих ударниках, строителях и покорителях, что положили жизни на алтарь величия страны. Все они отдавали, ничего не получая взамен, так или иначе жертвовали собой ради процветания будущих поколений. Те, что бросались под фашистские танки со связками гранат, верили, что их жертва не будет напрасной. Те, что дни и ночи строили и возводили, гробили себя в шахтах и оставляли здоровье на северах, были убеждены, что закладывают фундамент светлого будущего. И это будущее настанет. Прекрасное, величественное, неизбежное.

Ну, вот оно, собственно, и настало. И это будущее породило Цента, человека новой формации, какие прежде не топтали землю русскую. И этот новый человек остановился, поднял голову, и впервые за тысячу лет оглянулся назад.

То, что он увидел там, потрясло юного Цента до глубины души. От былинной старины и по самую эпоху очередей и талонов протянулась нескончаемая вереница напрасно прожитых жизней. Исстари предки пахали в надежде на лучшее. Каждое следующее поколение отмечалось очередным трудовым подвигом, с которого их потомки не имели никаких дивидендов. Всякий человек, рождаясь на этой земле, словно оказывался в пустыне или на безжизненной планете, будто люди до него тут вообще не водились. Этому человеку тут же вручался инструмент, обычно в комплекте со стимулирующим ударом начальственного сапога в крестец, и звучала команда – паши. Паши, и твои дети и внуки будут жить лучше. Вкальвай, и когда-нибудь твои потомки будут досыта кушать и вволю спать. Трудись, и настанет светлое будущее.

Это говорили отцам. Дедам. Прадедам. Всем пращурам до бесконечного колена.

И ведь верили. Каждый раз верили. И не было конца-края этому безумию. Не было, до рождения Цента.

Цент все понял. Он раскусил эту систему. Светлого будущего не ожидается. Светлое будущее, это морковка на веревочке перед ослиной физиономией. А если так, то нет причин рвать жилы на стройках века, совершать стахановские безумства ценой здоровья, да и кидаться под танки, в целом, незачем. Нужно жить здесь и сейчас, и делать это исключительно для себя и ради себя. Никто не загонит его в шахту, никто не заманит на стройку, ноги его не будет на заводе. Предки все это уже проходили, и вместо светлого будущего получили дулю с маслом, да и ту по талонам. Ко всем чертям грядущие поколения, хоть бы и вовсе они не рождались. Пришла пора пожить для себя и только для себя. Не для князя, не для барина, не для царя, вождя или генсека. Для себя!

Судя по всему, подобная точка зрения как раз к концу двадцатого века вызрела в русском народе. За тысячу лет людям тупо надоело барахтаться в нищете и отстое, время от времени

массово погибая в процессе защиты шикарного образа жизни своих эксплуататоров, дабы всякие там Наполеон да Гитлер не мешали им сладко спать и сытно кушать. Возникло желание не ждать милости от тех, от кого ее не дождешься, а взять все самим. И стали брать. Не все, конечно, очень многие так и не смогли освободиться от рабского менталитета, или просто были лохами по жизни. Цент, конечно, к их числу не принадлежал. Он был молод, силен, хотел иметь крутую тачку и каждый вечер отрываться в дорогом кабаке со вчерашними пионерками.

Что помешало ему осуществить свою мечту? Да ничего!

Благословенные девяностые запечатлелись в памяти Цента как огромный мешок позитива, счастья и восторга. Тем больнее было осознавать, что столь прекрасная и замечательная эпоха сменилась тем, чему Цент так и не смог придумать достойного названия – любое из ругательств и даже все их возможные комбинации казались незаслуженно мягкой характеристикой того, что окружало его ныне.

На то, что окружало его ныне, Центу просто не хотелось смотреть. Когда его взяли со стволом и полными карманами кокаина, вокруг была свобода и вседозволенность, здоровая конкурентная борьба живых существ за место под солнцем, в процессе которой всех ущербных особей без колебаний вычеркивали из генофонда нации. А когда Цента выпустили на свободу, он понял, что произошло нечто страшное.

Цент сел в одной стране, а освободился в совершенно другой. Все потуги понять новые реалии не увенчались успехом. Цент попытался найти братву, и разузнать о том, что же такого ужасного произошло с родиной за время его заключения, но к своему немалому шоку выяснил, что братвы больше нет: кого постреляли, кого пересажали. Последний уцелевший из их банды, Федя Борода, отчаянный бандит, гроза лохов и коммерсантов, был обнаружен Центом на новом рабочем месте. Глядя на бывшего кореша, который бесцельно, с тоскливым лицом, топтался в зале супермаркета в синей рубашке охранника, Цент понял, что просидел в тюрьме конец света. Что-то случилось с его страной, что-то страшное и непонятное. Что-то такое, что сделало его, Цента, ненужным и неактуальным.

Потерянный и напуганный Цент поехал к своей бывшей подруге, Анфисе. Познакомились они давно – Анфиса тогда трудилась путаной, а Цент был ее крышей. Постепенно между ними завязались романтические отношения – одно время даже жили вместе. Потом Цента ранили, он дополз до хаты Анфисы, и та, не сдав его милиции, выходила хворого. Благодарный Цент на радостях поклялся сделать своей спасительнице предложение, позже, поостыв, некоторое время кормил подругу завтраками, а там и вовсе бог миловал – дали срок.

Минувшие годы не прибавили Анфисе красоты, зато свою профессию она сменила на более пристойную – работала продавщицей в магазине. Когда Цент появился на ее пороге, Анфиса была сильно удивлена. Еще больше был удивлен какой-то тип, которого Цент обнаружил в ее квартире без каких-либо признаков одежды. С незнакомым субъектом тут же была проведена разъяснительная беседа, плавно перешедшая в развод на бабки. Цент сыграл внезапно вернувшегося из командировки мужа, смекалистая Анфиса подыграла ему, прикинувшись неверной женой, и в итоге им совместными усилиями удалось вытрясти с героя-любownika некоторую сумму. Компенсировав нанесенный семейному счастью ущерб, мужик убежал в одних трусах, а Цент подхватил Анфису на руки, отнес ее на кровать и напомнил той, кто в доме хозяин.

Поскольку идти Центу было некуда, он бросил якорь у боевой подруги. Та не возражала. Она же доступно объяснила ему новый расклад сил на геополитической арене, и Цент, выслушав ее, понял, что зря вышел из тюрьмы. Потому что назвать то, во что превратили страну какие-то негодяи, свободой, не поворачивался ни язык, ни иная часть тела. Все изменилось, и изменилось, похоже, надолго. Больше не было конкретных пацанов – каких перебили, каких пересажали, какие сами притихли. Ныне все их прежние функции исполняла легитим-

ная власть в лице чиновников и стражей правопорядка, которые не собирались терпеть конкурентов из частных ОПГ.

Время свободных художников прошло. Пропали даже коммерсанты, которых Цент в прошлом доил. Их просто передушили, чтобы не путались под ногами. Новая конкретная братва имела неиссякаемый источник бабок – нефтяную трубу, и им неинтересны были какие-то там торгаши или артельщики с их жалкими копейками.

В сложившихся происками темных сил нечеловеческих условиях бытия Центу пришлось переступить через свою гордость и работать. Это было унижительно и противно, ведь прежде, если ему требовались деньги, он их просто отбирал, но иного выхода не было. Анфиска одна не могла их содержать, даже если бы вновь вернулась на панель – с ее нынешней внешностью она заработала бы там меньше, чем в своем магазине. И Цент начал бомбить. Бомбить на своем «мерине», немолодом, но все еще бодром боевом скакуне. Стыдоба! Все равно, что на танке поле вспахивать. От работы таксистом у Цента пошатнулось здоровье. Прежде его и били, и убивали, а он и в ус не дул – всегда был бодр и весел. Теперь же каждое утро чувствовал себя так, будто восстает из гроба. Все болело, суставы крутило, желание жить возникало только с толкача. Цент чувствовал, что виноват в этом вовсе не возраст. Виновата окружающая среда. Это она загоняет его, молодого и полного сил, в могилу. А когда у него однажды не получилось с Анфисой (впервые в жизни!) Цент едва не полез в петлю. Анфиса его, конечно, утешила, и Цент сделал вид, что утешился, но в глубине души он был безутешен. А когда осечки стали происходить с пугающей регулярностью, ему все стало ясно – страну кастрировали, пока он сидел. Теперь взялись и за него.

Было ли Центу при всем этом дело до какой-то там поездки на дачу? Хотел ли он куда-то ехать? Нет! Не хотел! Но Анфиса уже все решила. Она вообще, с недавних пор, стала все решать, и Цент, к своему удивлению, не сопротивлялся ей. Немыслимо! В иные времена так бы воспитал кулаками, что неделю на ноги не встала бы, а теперь вот оно как – власть взяла и командует. Почуяла, что ослаб Цент. И не бьет, и не ругается, и осечки у него бывают....

Центу безумно хотелось уехать куда-нибудь далеко-далеко, в такие края, где еще не навели этот мерзкий порядок, и где он сможет в полной мере реализовать все свои таланты. Но где такое место? Куда податься?

– Дорогой, ты собрался? – прозвучал из спальни голос Анфисы.

Цент в одних трусах сидел за столом на кухне и с угрюмым видом хлебал остывший чай. За окном цвела весна, щебетали птички, вкусный воздух вползал в открытую форточку, зовя на поиски приключений. Центу захотелось послать этот воздух куда подальше. Зачем он издевается? Зачем куда-то зовет? Все, кончились приключения. Только и остается, что тихо и дико скучно доживать жизнь вместе с Анфисой, днем бомбить, а каждую ночь встречать со страхом, как бы опять не случилось осечки.

В кухню вошла Анфиса, и осуждающе посмотрела на Цента.

– Ты еще чай не допил! Сейчас Маринка с Владиком подъедут, а мы еще не готовы.

Маринка! Как же дико Цент не переваривал эту болтливую макакку. Если бы ему дали право убить ее самым жестоким образом, а в обмен сократили бы его жизнь на пять лет, он бы ни секунды не колебался. Пять лет за такое счастье – не срок. И что там еще за Владик? Наверняка какой-нибудь лох. Маринка разве нормального мужика найдет? Нормальный на такую не позарится. Вот ведь дожил до чего – приходится ехать на дачу с какими-то дурами и лохами. Хорошо, что братва этого срама не видит – сквозь землю бы провалился.

Это мероприятие, то есть совместную поездку на дачу Владика, Анфиса с Маринкой запланировали давно. Цент с самого начала предпринимал вялые попытки отказаться от участия в этом постыдном деле, даже прикинулся больным, и заявил, что не сможет вести машину с высокой температурой. Температура и впрямь была высока, нагретый над газовой плитой градусник едва не лопнул в руке у симулянта. Но не помогло. Анфиса тут же заявила, что сама

поведет машину. После этого Цент сдался. Он знал, как водит подруга. В Анфисе пропал дар летчицы-героини, из той суицидальной серии, что идут на таран сразу, даже не расстреляв боекомплект. На памяти Цента она трижды садилась за руль, и все три раза от точки старта до точки ДТП оказывалось не больше сотни метров. Герой лихих девяностых неоднократно пожалел, что в свое время купил подруге права на вождение автомобиля. Анфиса даже пешком ходила плохо, постоянно спотыкаясь на ровном месте или врежаясь лбом в столбы, которые имели наглость оказаться на ее пути. Доверить подруге свой автомобиль означало своими руками отправить его на свалку. В нынешние времена порядка и стабильности заработать на новое средство передвижения он не имел никаких шансов, так что пришлось согласиться на поездку, хоть от одной мысли о ней уже с души воротило.

– Вы там без меня никак не обойдетесь? – с агонизирующей надеждой спросил Цент.

– Нет! – воскликнула Анфиса. – Ты нам нужен.

– Зачем?

– А кто нас защищать станет? – игриво спросила подруга. – Вдруг на нас маньяки нападут... сексуальные.

– А этот... Владик?

– Владика самого защищать надо, – засмеялась Анфиса. – Все, собирайся, не ворчи.

– Так и знал, что этот Владик лох последний, – проворчал Цент, вливая в себя остатки холодного чая. Чувствуя себе бесхребетным подкаблучником, встал из-за стола и покорно поплелся одеваться.

Владик не обманул ожиданий Цента. Едва он вылез из машины, как у конкретного пацана настроение ухудшилось на три порядка. Владик оказался тощим заморышем в очках, и едва взглянув на него, Цент ощутил неодолимый зуд в кулаках. Когда-то он таких очкариков по десять штук на дню пополам ломал, а теперь еще и руку придется жать. Да если бы только Владик знал, с кем доводилось в своей жизни здороваться Центу, он бы от страха помер. С такими людьми доводилось рукопожатиями обмениваться, что не дай бог, во сне приснятся – потом ищи приемлемые для самолюбия оправдания, почему постель сырая. Но стоило Центу перевести взгляд на Маринку, как кулаки зачесались в два раза сильнее. Если бы дед Мороз существовал, Цент бы ему загадал только одно желание – оказаться в темном лесу, без свидетелей, наедине с Маринкой и остро наточенным топором.

Анфиса с Маринкой нежно обнялись и поцеловались в щечки, Цент стоял столбом и тяжелым взглядом разделял Владика на мясной ряд. Тот чуял взгляд Цента, и потому подходить трусил, топтался у машины.

– Привет, – поздоровалась Маринка с Центом. – Что такой хмурый? Опять осечка?

Двуствольный взгляд Цента переместился на Анфису. Разумеется, та уже все растрепала своей лучшей подруге, а подруга, небось, всему городу. Возникло желание плюнуть на все и вспомнить старые добрые времена – достать из тачки монтировку, и забить всех троих до смерти чисто по беспределу. Желание возникло, еще какое, но Цент не двинулся с места, даже Маринку не обложил. Все проглотил и стал переваривать.

– Владик, иди сюда, я тебя познакомлю, – позвала Маринка.

Владик, застенчиво улыбаясь, подошел как дрессированная собачонка. Цент с отращением подумал, что он и сам стал дрессированный. А ведь был когда-то диким зверем, бегал на воле.

Состоялась процедура знакомства, в ходе которой Цент так сердечно, от всей души, пожал Владиду хилую ладошку, что очкарик взвизгнул и даже слегка присел.

– Маринка сказала, он программист, – сообщила Анфиса, когда они уселись в автомобиль, и Цент направил его следом за машиной Владика. – Зарабатывает хорошо.

– Шлюха твоя Маринка, – проворчал Цент сквозь зубы, и стал шарить по карманам в поисках сигарет. – За бабки под кого угодно ляжет.

– Неправда, – возмутилась Анфиса. – Она уже давно с этим завязала.

– Она с этим да, а это с ней нет. Слушай, куда это они ехать собрались? Очкарик сказал, что сорок километров, или больше. Он на Камчатке дачу купить не мог?

– Там место хорошее, – начала убеждать Анфиса. – Очень красиво. Природа, птички поют. Лес недалеко, озеро.

Прозвучало не слишком заманчиво. Всякие там леса Цент не любил, после того как однажды недруги из конкурирующей группировки привязали его к дереву с целью сжечь заживо. Уже и бензином облили, уже и спички достали, но, слава богу, братва подросла, не дала в обиду. Цента отвязали, несостоявшиеся инквизиторы заняли его место. Смешно так горели, дергались, орали. А запах от них исходил столь заманчивый, что у Цента так слюнки и текли. Что же касалось певчих птичек, то к этим пернатым фашистам Цент давно питал ненависть, как раз с тех пор, как купил свою первую машину. В лихие девяностые отстреливал их прямо с балкона, так что весь двор был завален трупами убиенных ворон и голубей. Теперь же времена были не те, и пернатые могли без опаски гадить на автомобили. Цент, конечно, не смирился, пару раз накрывал им поляну путем рассыпания отравленного зерна, но это не помогало. На место померших от коварного угощения птичек являлись новые, поскольку бабки во дворе исправно прикармливали их семечками и хлебом. В былые времена Цент разобрался бы со старыми кошелками, а ныне приходилось терпеть и страдать.

– Я там была один раз, мне так понравилось... – завела шарманку Анфиса. Цент знал, что если подруга начнет о чем-то вещать, то это может продлиться вечность. Дабы заглушить ее рупор, он включил радио и попал на новости. В новостях, как уже повелось, народонаселение призывали затянуть пояса, сплотиться, стиснуть зубы и потерпеть ради чего-то там. Вместо коммунизма теперь пытались всучить патриотизм, дескать, вот ради него-то и надо потерпеть. Цент поспешно выключил радио, боясь сорваться и кого-нибудь убить. Он как будто вновь вернулся в золотое детство, и ему снова читали сказки о пионерах-героях, теперь, правда, уже не бабушка, а всякие говорящие головы из телевизора. Будто бы и не было лихих девяностых. Будто это был сон, сказочный, волшебный, прекрасный, но лишь сон. Если так, то Цент уже сто раз пожалел, что проснулся.

– Дожил, – угрюмо проронил Цент, озвучивая свои кромешные думы. – Еду к какому-то очкарику на дачу, буду там с ним сидеть, одним воздухом дышать....

Анфиса засмеялась.

– Не надо так про Владика говорить, – попросила она. – И вообще, я хочу, чтобы вы подружились.

Цента передернуло. Одно дело – провести с лохом сутки на природе (позор, конечно, но с этим еще можно как-то жить), другое дело – водить с ним дружбу. Да в былые времена за такое предложение Анфиса лишилась бы половины зубов и волос, возможно, не обошлось бы без переломов конечностей и ребер. А теперь вообще страх потеряла – что хочет, то и говорит, даже не делая попыток отфильтровывать базар.

– Он бы тебе с работой помог, – озвучила свои сокровенные планы Анфиса.

Центу стало невыносимо тошно. Ведь до чего дожил – какой-то лох в очках ему с работой помогает! Вот в светлые времена он помогал с работой разным лохам. Выбивал с них деньги, и разрешал работать, а заодно и жить. Помогал, тем самым, развитию малого бизнеса: сговорчивых и щедрых коммерсантов оставлял на племя, жадных и неуступчивых отвозил в лес и не привозил обратно.

Покрутившись по городу, вскоре выбрались на трассу. Дороги до места назначения Цент не знал, так что приходилось униженно плестись в хвосте у Владика. А тот, как нарочно, не только соблюдал все правила дорожного движения, но и скорость, негодяй, не превышал.

– За сорок километров, в какие-то дебри... – возмущался Цент, выпуская в окно табачный дым. – Зачем?

– Владик сказал, что там воздух особенный, – пояснила Анфиса, рисуя лицо на морде. Прихорашиваться, вроде бы, повода не было, но подруга все равно старалась. Похоже, не оставляла надежды на то, что подвергнется успешному нападению сексуального маньяка.

– Теперь Владика будем слушать? – спросил Цент, и гневно швырнул окурочок наружу. – И так, похоже, Владиков слишком много слушают. Вон что со страной сделали! Смотреть больно, сердце кровью обливается.

А про себя подумал, что таких Владиков давить надо. Всех поголовно. Но начать с этого конкретного Владика, вместе с его любовью к путешествиям и подругой Маринкой. Будь это возможно, Цент без колебаний вверг бы программиста и его невесту в бездну адских мук.

Больше всего на свете Центу хотелось напиться и впасть в состояние веселого буйства, после которого просыпаешься с чугунной головой и разбитыми в кровь кулаками, ничего не помнишь, но интуитивно чувствуешь – ночка удавалась. Но сегодня ему не светит даже понюхать пробку – он ведь за рулем. Как какой-то позорный шофер на побегушках. Личный водитель у бывшей путаны.

От осознания низости своего падения Центу захотелось остановить автомобиль, выйти наружу и бежать в чистое поле, подальше от такой жизни. Вот только на том краю поля была точно такая же жизнь. Она везде была одинаковая.

Анфиса болтала без умолка, Цент, мрачный, угрюмый, с лицом истукана острова Пасхи, смотрел в лобовое стекло, стараясь не слышать подругу. Перед ним игриво вилял зад автомобиля Владика, словно бы напрашиваясь на нежный поцелуй бампером. Несколько раз нога Цента начинала против воли утапливать педаль газа, а в глазах вспыхивал прежний кровожадный блеск, но всякий раз, за миг до контакта, Цент, ненавидя себя за трусость и слабость, вновь восстанавливал прежнюю дистанцию.

– Кстати, Владик с Маринкой собираются летом в Турцию ехать, – сообщила Анфиса.

– Скатертью дорога, – буркнул Цент, не понимая, какая польза лично ему от этой ценной информации.

– А мы куда поедем? – тут же задала вполне закономерный вопрос Анфиса.

В былые времена денег у Цента хватало на любую границу, но ни разу не сложилось. То одно, то другое. То дел навалится авральная куча, то его в федеральный розыск объявят. Нынешних смешных заработков, при условии жесткой экономии на харчах и тряпках, могло хватить на туристическую поездку в Турцию, но Цента не тянуло в дальние страны. Он хотел простого русского отдыха – баня, водка, развратные девки. Что такого необычного могла предложить ему Турция?

– А что, если нам вместе с ними рвануть, а? – наконец-то подвела к тому, к чему вела, Анфиса.

Перспектива провести две недели в компании Маринки и Владика повергла Цента в ужас. На Маринку у него была аллергия, и не покидало желание грохнуть дуру, Владика он, можно сказать, не знал, но уже заранее ненавидел.

– Можно и без них, – ворчливо заметил Цент, прекрасно понимая, что Анфиса уже давно все решила, и решила совместно с Маринкой. Эти две курицы, как будто сговорились, всеми силами отравлять ему жизнь. Неужели до сих пор не простили ему те времена, когда он, на правах крыши, отбирал у них заработок, бил и пользовался обеими бесплатно и бессовестно? Цента потрясла подобная злопамятность. Лично он зла не помнил вовсе. Если зло в нем возникало, он старался тут же принять адекватные меры, и выплеснуть его на головы окружающих, а не складировать обиды в закромах души.

Оправдывая худшие опасения, Анфиса стала озвучивать уже хорошо продуманный план их совместного отдыха. Цент, слушая ее, понял, что сегодняшняя поездка за свежим воздухом, это только репетиция грядущего мучения. А в голове его стали вдруг рождаться замечательные мысли. Он, к примеру, подумал, что едут они на дачу не в сезон, и другие люди там будут едва

ли. Там кричи – не кричи, никого не услышит. Идеальное место. Даже если все вскроется, и его опять посадят, он выслушает приговор суда с восторгом. Ведь от одной мысли, что Маринка и Владик его стараниями нюхают ромашки с корней, захочется петь и плясать.

Но в глубине души Цент понимал, что ничего такого он не сделает. Вот раньше бы мог. Легко. А теперь не может. Сломала его новая жизнь.

Цент так увлекся размышлениями, что едва не въехал Владиду в зад, когда тот начал притормаживать перед поворотом на грунтовку. Отвратительная дорога ныряла прямо в лес, никаких знаков или надписей на обочине не было.

– Если застрянем тут, я твоего Владика об колено поломаю! – строго предупредил подругу Цент.

В этот момент низко склонившаяся над дорогой ветка ударила по лобовому стеклу. Цент взъярился:

– Если хоть одна царапина на машине появится, я твоему Владиду оторву все, что плохо растет! Вот же баклан! Воздуха ему захотелось. Могли бы поехать в кабак, как люди, а не жечь бензин, чтобы птичек послушать.

– Да все хорошо, – как попугай, повторяла Анфиса.

– Не успокаивай меня! – взвился Цент. – Не надо! Не все хорошо. Все плохо. Я уже давно это почувствовал. Еще в том году, когда гаишник у меня взятку не взял. Гаишник взятку не взял – представляешь?

– Милый, ну не расстраивайся ты так, – утешала любимого Анфиса. – У них, наверное, проверка была. Потом же все время брали.

– Потом брали, – кивнул Цент. – Но почему тот не взял? Меня это так потрясло. Я три ночи спать не мог... Блин, да куда этот баклан очковый едет? Где его дача? Сейчас въедем в какое-нибудь болото, застрянем, и произойдет трагедия.

– Какая? – заинтересовалась Анфиса.

– Насильственная смерть двух... и, возможно, более лиц, – обрадовал ее Цент. – Звони очкарику, спроси, далеко ли еще.

– Любимый, ты потерпи...

– Звони! – зверски рявкнул на нее Цент.

Подруга поняла, что спорить бесполезно, вытасила из сумочки мобильник, глянула на экран и тут же поделилась плохими новостями:

– Связи нет.

Цент даже не удивился. У него всегда было так: если везло, то во всем, если не везло, то по полной программе.

– Ненавижу Владика! – процедил он сквозь зубы в бессильной ярости.

Как выяснилось позднее, к дачному массиву имелась и вполне себе годная дорога, но Владик нарочно решил поташиться через дебри, дабы глотнуть чистого лесного воздуха. Цент для себя решил, что очкарик слишком много дышит, и с этим пора кончать. В голове его сам собой начал зреть дьявольский план ликвидации Маринкиного жениха. Этот план был жесток и беспощаден. Центу было мало просто убить Владика, он хотел заставить программиста обильно испить из бездонной чаши страданий. Чертов очкарик олицетворял собой новую эпоху, эпоху порядка, стабильности и безнадёги, которую Цент ненавидел всеми фибрами души и тела. Бывший рэкетир чувствовал, что только жертвоприношение может облегчить его душевные страдания. Поймать Владика, затащить в темный погреб, пытаться зверскими пытками, наслаждаясь каждым его болезненным воплем и каждой мольбой о пощаде, а затем убить – разве это не прекрасно?

– Любимый, перестань злиться, – упрасивала Анфиса, после того как Цент узнал о другой дороге и выразил желание обогреть руки кровью.

– Не могу, – признался ей Цент. – Пытаюсь, но не могу. Слушай, а у очкарика на даче погреб есть? А паяльник?

Как выяснилось, Цент здесь уже бывал прежде, правда, давно, в прошлой жизни. Не сразу вспомнил, что немудрено, ведь на эти дачи они с корешем привезли жадного коммерсанта глубокой ночью. Настроились на долгую и трудную пытку, но стоило начать, как клиент тут же пошел на сотрудничество, рассказал, где деньги, пообещал искупить свою жадность финансово и впредь платить без задержек. Ему поверили, ведь нужно верить людям. Правда, пообещали в случае повторного утаивания доходов от крыши замучить жадину до смерти, а его жену и дочь искупать в бочке с серной кислотой.

Загородное имение программиста было куплено недавно, но Владик, а точнее нанятые им мужики, произвели небольшой апгрейд избушки. Старый деревянный забор снесли, заменив его металлическим, перекрыли крышу, воткнули новые окна, покрасили стены в ярко-желтый цвет. На одной из стен чья-то растущая из известного места рука коряво нарисовала масляной краской нечто, похожее на подсолнух. Цент решил, что творчество принадлежит кисти Владика, и уже хотел грянуть язвительной критикой, но оказалось, что художницей выступила Маринка. Пришлось усилить градус язвительности.

– Красиво, да? – выпрашивала макака. – Это я сама нарисовала.

– На подсолнух похоже, – кивнул Цент. – Было время на них насмотреться, пока ждала клиентов на обочине.

Маринка люто глянула на Цента, и тот в один миг все понял – Владик ни ухом, ни рылом, чем занималась его невеста в недавнем прошлом. О, это был шанс! Это было даже круче, чем замучить очкарика в застенках и утопить Маринку в нужнике. Цент понял, что не упустит данную богом возможность загубить личную жизнь ненавистной макаке и ввергнуть очкарика в пучину моральных страданий. Владик должен узнать правду. Но не сейчас. Следует выждать, выбрать самый благоприятный для этого момент, так чтобы градус страданий несостоявшейся супружеской пары был наивысшим.

Первым делом, после приезда на место, Владик похвастался своим загородным хозяйством. Цент бродил вслед за остальными, стараясь не слышать голоса ведущего экскурсию программиста, и только когда Владик сказал что-то о погребе, проснулось неподдельное любопытство.

– Погреб есть? – оживился Цент. – Глубокий?

– Его еще нет, – ответил Владик. – Я его только планирую. . . .

– Жаль, – огорчился Цент, и вновь потерял интерес к происходящему.

Владик таскал гостей по участку примерно час, рассказывая всякую ерунду и обязательно сообщая, какую сумму он потратил на то или иное преобразование. Цент хоть и старался отрезвиться от мирской суеты, все же, против воли, слышал все это краем уха. Слышал, и ярость закипал в его груди. Очкарика он сразу раскусил – тот, таким образом, пытался показать свою финансовую крутость. Дескать, смотрите, как я хорошо зарабатываю, могу такие деньги вса-дить в дачу, которую посещаю пять раз в году. А вы, дескать, не можете. Вы, дескать, лохи, а я крутой. За это Цент попытался возненавидеть очкарика еще сильнее, но не смог, потому что сильнее было уже невозможно. Зато навалилось какое-то отвращение к самому себе. Раньше вообще ведь ничего не боялся, делал что хотел, чхать хотел и на конкурентов и на милицию, а теперь не может даже подойти и отвернуть голову выделяющемуся прыщавому сопляку. А хочется. Невыносимо хочется. Но что-то держит. Неужели темные силы переделали не только страну, но и его самого? Неужели он превратился в лоха? Ведь это лох все терпит и проглатывает, крутой перец поступает иначе.

– Любимый, что ты такой хмурый? – полезла с расспросами Анфиса.

Цент, дабы сожительница отвязалась, попытался изобразить на лице улыбку, полную позитива и жизнерадостности. В итоге на свет был рожден столь кошмарный оскал, что Анфиса

невольно попятилась, а Владик, замолчав на полуслове, побледнел и приготовился быть съеденным.

– Все хорошо, – ответил Цент, не переставая скалиться. – Просто задумался.

– О чем?

– О жизни.

Осмотрев участок, переместились в домик, и там тоже была проведена подробнейшая экскурсия. Центу повезло незаметно ускользнуть, он вышел на крыльцо, сел на ступеньку и закурил, наслаждаясь долгожданной тишиной. Дачный массив тонул в безмолвии, только изда-лека доносился приглушенный шум автотрассы. Сезон посадок начнется со дня на день, вот тогда-то все здесь наполнится шумом голосов и отстойной музыки, а над каждой грядкой будет торчать минимум по одному комплекту ягодиц.

Цент не любил труд на земле, поскольку чувствовал, что это не его. Трудиться на земле и не только полагается всяким лохам, а он рожден, чтобы приходить на готовое и брать, что понравилось, а все попытки оспорить данное священное право вбивать рискнувшим обратно в глотку вместе с зубами. Но он был готов поступиться принципами, и помочь Владиду выкопать погреб. Глубокий такой погреб, с толстым бетонным перекрытием, чтобы наружу не долетел ни один крик боли и ужаса. А потом....

За экскурсией последовали шашлыки. Ими занимался Цент, не желая доверять столь ответственное дело всяким дилетантам. Анфиса даже яичницу не умела приготовить по-людски, Маринка в этом плане недалеко ушла от подруги. Владик пытался навязаться в помощники к Центу, притом не по своей воле, а понукаемый невестой, но был изгнан куда подальше взглядом, полным ярости и гнева. Программист удалился помогать бабам, едва сдержав вздох облегчения. Цента он боялся до икоты, один вид этого свирепого человека внушал ему ужас. К тому же он постоянно ловил на себе крайне недобрый взгляд этого уголовника, отчего по спине начинали бегать мурашки. Идею свести их вместе, рожденную Маринкой и Анфисой, Владик не одобрял точно так же, как и Цент. Об этом свирепом человеке он знал мало, Маринка, щадя ранимого жениха, о многом умолчала, но и того, что она рассказала, Владиду хватило. Один тот факт, что несколько лет жизни Цент провел в тюрьме, уже заставлял бояться его до икоты. А ведь невеста еще туманно намекнула, что в девяностые Цент вел весьма активный образ жизни. Для Владика лихие девяностые были кошмаром и ужасом, когда по всей стране бродили некие монстры, известные как братки. Он не хотел верить, что Цент один из них, но интуиция подсказывала, что это так. От такого субъекта хотелось держаться подальше, но Владик, будучи бесхребетным, не смог отказаться от совместной поездки на дачу. Да и Маринка очень настаивала. Ей хотелось похвастаться перед знакомыми своим женихом. Ну, не столько самим женихом, конечно, сколько его финансовым благополучием.

От раздумий Владика отвлек некий зловещий звук. Обернувшись, он увидел Цента. Тот точил один нож о другой, и при этом неотрывно смотрел на программиста таким взглядом, что у того прихватило живот. Извинившись, Владик почел за благо спрятаться от гостя в туалете.

Пока хозяин загородного имения отсиживался в уборной, Анфиса и Маринка отправились собрать цветочков, что росли по ту сторону дома. Цент остался один, и впервые за этот день спокойно вздохнул. Общество недостойных людей утомило его, необходимость общения с лохами отрицательно сказывалась на самооценке и жизненном тоне. К тому же две лучшие подруги, общаясь промеж собой, несли такую дикую ересь, что невольный слушатель Цент все сильнее хотел броситься грудью на шампур, и хотя бы таким вот способом прекратить свои муки. Теперь же, оставшись в тишине и покое, Цент отдышался, огляделся по сторонам, и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, решил сделать себе приятный сюрприз. В последнее время в его жизни было так мало радости и света, что он просто не мог упустить шанс хоть немного поднять себе настроение.

Первая порция шашлыка была готова. Цент разделил ее на четыре равные части, три отставил в сторону, а одну, предназначенную для своего нового друга Владика, решил пикантным образом приправить. К счастью, под рукой имелась подходящая пряность, а именно острый перец. Цент осторожно продегустировал оный, дабы убедиться, что тот достаточно остер, и едва не отдал богу душу. Это был какой-то термоядерный сорт перца, и бывшего рэкетира спасло лишь то, что под рукой оказалась бутылка с минералкой. Потушив пылающий рот, Цент, гаденько улыбаясь, щедро приправил перцем порцию Владика. Затем подумал, и сыпанул еще немного, как говаривали в светлые времена свободы и вседозволенности – сделал контрольный выстрел. После чего шалун принял самый невинный вид и стал с нетерпением поджидать друзей и подруг, дабы угостить их плодами своего кулинарного гения.

Бабы вернулись с цветами, и одновременно с ними явился Владик. Цент, нетипично вежливый и обходительный, тут же предложил им отведать шашлыка, клятвенно заверив, что вложил в него не только весь свой кулинарный талант и всю свою душу, но и кое-что помимо этого. Сам пристроился в сторонке и принялся за свою порцию, одним глазом косясь на программиста.

Не ждавший подвоха Владик успел отправить в рот целых два куска, когда глаза его вдруг сильно расширились, и из них двумя водопадами хлынули слезы. Видя, что жертва близка к тому, чтобы выплюнуть пикантное угощение, Цент принял меры. Он не мог допустить, чтобы Владик не насладился всеми оттенками вкуса. Зря, что ли, старался?

– Вот это я понимаю шашлык! – громко нахвалил он сам себя. – Кто от такого шашлыка нос станет воротить, того только убить и закопать. Это просто преступление, верно?

– Да, очень вкусно, – вынуждена была признать Маринка.

– Любимый, ты у меня такой талантливый, – расщедрилась на комплимент Анфиска. – Тебе нужно было работать поваром.

Начав за здоровье, подруга традиционно кончила за упокой. Предложила ему, Центу, работать. Да еще и поваром, то есть слугой. Дважды с грязью смешала. Цент пожалел, что не насыпал перца и в ее порцию, после чего обратил внимание на Владика. Тот весь покраснел, глаза программиста лезли из орбит, но боязнь оскорбить Цента не позволяла ему выплюнуть угощение с сюрпризом.

– Мои шашлыки и воры в законе, и губернаторы ели, и нахваливали, – с нажимом произнес Цент, как бы пытаясь намекнуть Владика, что тому пора проглотить кушанье. – Был, правда, один случай возмутительный, ну да что о нем вспоминать? Того типа, который мой шашлык выплюнул и обругал, давно уже схоронили в безымянной могиле, потому что родственники его так и не смогли опознать.

После прозвучавших воспоминаний Владик проглотил шашлык. Горло словно обожгло огнем, ощущение было такое, что отправил в желудок не мясо, а пригоршню битого стекла. Хотелось кричать от боли, заглушить ее водой, но Цент не спускал с него глаз. И когда жертва кулинарного терроризма потянулась к минералке, бывший рэкетир был тут как тут.

– Владик, ты чего так плохо ешь? – спросил Цент. – Неужели тебе мой шашлык не нравится?

– Что ты! Очень вкусно, – прохрипел страдалец.

– Ну, так ешь еще. Для повара лучший комплимент, это чистая тарелка.

Владик опустил взгляд в свое блюдо, и едва не лишился чувств. Порция была чудовищно велика. А тут еще невеста подлила масла в агонию, и проворковала:

– Милый, кушай хорошо. Ты такой худенький, тебе нужно лучше питаться.

– Согласен, – поддержал ее Цент. – Ну-ка давай, покажи, что ты мужик. Мужик все съест и добавки попросит.

Тяжело дался Владика этот шашлык, и много раз успел он пожалеть, что согласился на эту совместную поездку. Каждый следующий кусок шел хуже предыдущего, рот и горло горели

огнем, желудок скручивало спазмами боли. Он еще пару раз пытался добраться до воды, но Цент всякий раз пресекал эти попытки. И лишь когда тарелка страдальца опустела, бывший рэкетир потерял к происходящему интерес, встал из-за стола и пошел куда-то по своим делам. Владик тут же схватил бутылку с минералкой и одним махом осушил ее. Физические страдания ему приглушить ужалось, но душа продолжала болеть. Все, что хотел несчастный программист, это как можно скорее расстаться с кошмарным человеком из лихих девяностых. И никогда больше с ним не встречаться.

Трапеза стала последним светлым пятном этого дня. Цент надеялся, что невинная шалость зарядит его позитивом, которого хватит до завтра, но он жестоко просчитался. Адские муки только начинались. После шашлыков они переместились в дом, где завязалось бесконечное чаепитие с бесконечными разговорами. Бабы трещали как два пулемета, Владик, осмелев, тоже гнал какую-то пургу. Центу вскоре стало так тошно, будто это он наелся шашлыков с острым перцем. Пару раз он предпринимал попытки уйти, но Анфиса не пускала его. Более того, его активно пытались втянуть в разговор, и искренне удивлялись, почему он отмалчивается и все больше мрачнеет.

– Любимый, что такое? – допытывалась подруга, по тупости своей не понимая, что если у человека погано на душе, то его следует оставить в покое, а не доставать глупыми вопросами.

– Голова болит, – соврал Цент, чтобы отвязались.

– Может быть, тебе таблетку какую-нибудь дать?

– Да. Цианистый калий есть?

– У меня только анальгин.

Цент взял таблетку, но пить ее не стал.

Человеку, рожденному уже после лихих девяностых, либо же до, но благополучно просидевших данную прекрасную эпоху в крепко запертой уборной, было бы крайне трудно понять те муки, каковые испытывал Цент в процессе общения с двумя экс-проститутками и одним программистом. Дело было не в том, что Цент имел что-то против проституток или программистов. И те и другие вполне, по его мнению, имели право жить на белом свете и тихо заниматься своими делами. Вот только делать это им полагалось подальше от конкретных пацанов. Эпоха девяностых сформировала в мозгу Цента что-то вроде кастовой системы, вот только люди в ней подразделялись не на жрецов, воинов и прочих разных, а на авторитетов, нереально крутых, реально крутых и далее в таком же духе, вплоть до лохов позорных, лохов опущенных и лохов голимых. Себя Цент скромно причислял к категории реально крутых перцев, каковое звание позволяло ему невозбранно восседать в компании авторитетов, нереально крутых и просто крутых. Опускаться ниже крутых, к слегка крутым, уже было чревато. Подобное поведение отрицательно сказывалось на самооценке и уважении со стороны авторитетов. И уж конечно, реально крутой перец ни при каких обстоятельствах не должен был марать себя компанией лохов позорных. То был позор, несмыываемый и великий. Для крутого воссесть в компании лохов было равносильно тому, чтобы самому наречься лохом. Вот почему Цента так корежило в навязанной ему компании. Он оказался среди лохов, оказался на равных с ними, а это могло означать только одно – он и сам, похоже, уже далеко не конкретный пацан. Лоха надлежало разводить на бабки и ставить на счетчик, а не гонять с ним чай и не вести милые беседы о всякой ерунде.

Цент ненавидел Анфису, за то, что она довела его до такого срама. Ненавидел Маринку, за то, что та жила на белом свете. Ненавидел Владика, просто потому, что не мог не ненавидеть этого очкарика. И еще он ненавидел себя, потому что сидел и покорно хлебал чай, как бесхребетная амеба, а должен был встать, взять палку, и показать лохам, кто хозяин в этом мире. Анфисе по башке! Маринке по башке! Владика восемь раз по башке, портом за шкуру его, и к нотариусу, дарственную писать. У очкарика машина, квартира, дача... Урожайный лох! Вот как следовало поступить, и как он поступал в свое время. Но, увы, не теперь. Сломленный,

беззубый, бывший некогда злым волком, а ныне превратившийся в старого облезлого кобеля, Цент теперь мог терзать лохов только в своих эротических фантазиях.

И от этого на душе становилось так погано, как будто с гаишником за руку поздоровался.

Глава 2

Утром Цент проснулся злой и разбитый, будто всю ночь прождал в засаде жадного коммерсанта, дабы поймать его и подвергнуть пыткам с целью пробуждения в одном субъекте щедрости, а жертва так и не появилась. Дача программиста определенно располагалась в каком-то нехорошем месте, иначе, чем объяснить ужасные сны, посетившие Цента под ее крышей? Вначале приснилось, что он честный труженик, всю жизнь пашущий за копейки, чтобы заработать грошовую пенсию и выкормить потомство – будущих честных тружеников, обреченных повторить судьбу родителя. Цент проснулся с криком, напугав Анфису. Та, угрожающе зевая, стала выпрашивать, что случилось, но Цент не стал ей объяснять – сам факт того, что ему, крутому перцу, снятся подобные сны, являлся немыслимо унижительным. Но стоило лечь и сомкнуть глаза, как сознание несчастного рэкетира провалилось в бездну нового кошмара. Приснилось, что он программист и по совместительству очкарик. Было немыслимо страшно. В этот раз дикий крик Цента разбудил всех, даже Маринка прибежала узнать, что случилось.

Денек был хуже некуда, ночь ему под стать. Рассвет Цент встретил с робкой надеждой на лучшее, ведь после завтрака они должны были покинуть загородную резиденцию программиста. Оставалось потерпеть общество ненавистных людей всего пару часов. Цент сжал кулаки, и сказал себе, что сможет. Нужно быть сильным. Маринка отвратительна, Владик тошнотворен, от Анфисы тоже с души воротит. Но выбора нет. На свете остались только такие вот особи, все крутые перевелись, став достоянием истории вместе со своей эпохой – благословенными девяностыми.

Завтрак дался Центу тяжело. Еще ни разу за всю жизнь желание убить кого-нибудь не одолевало его с такой силой, как во время этой утренней трапезы. Маринка и Анфиса болтали как два сумасшедших попугая, Владик, немного осмелевший в присутствии грозного рэкетира, тоже вставлял свои реплики. Цент сидел за столом, мрачный, как грозовая туча, и старался смотреть только в свою тарелку. Стоило поднять взгляд, как кулаки начинали чесаться с невероятной силой, и больше остальных кулачную чесотку вызывала прыщавая физиономия Владика. Цент и сам не мог понять, за что так ненавидит этого паренька, но появись у него хоть малейшая возможность, так бы отделал очкарика, что мало бы тому не показалось. Увы, те времена, когда избивать сограждан можно было свободно, не боясь уголовного возмездия, давно миновали. Теперь подобные вещи позволялись только чиновникам и их родственникам, а единственный живой родственник Цента, дядя Игнат, уже девятнадцатый год сидел в тюрьме за излишнее усердие в деле первичного накопления капитала.

Владик и Маринка опять завели разговор о своей грядущей поездке к морю, Анфиса включилась, и озвучила мысль, что было бы здорово поехать отдыхать вчетвером. Цент понял, что сейчас сорвется, и, от греха подальше, решил временно избавиться себя от общества раздражителей. Встав из-за стола, он взял чашку с кофе и направился к выходу.

– Любимый, ты куда? – тут же потребовала отчета Анфиса, будто бы он был не свободный человек, а ее холоп.

– На воздух, – буркнул Цент.

– Ой, а пойдёмте все на свежем воздухе чай попьем! – тут же предложила Маринка. За это Цент хотел поставить ее имя первым пунктом в своей книге черных дел, но не смог, поскольку невеста программиста уже давно занимала это почетное место.

Вся компания переместилась наружу и расположилась на крыльце. Владик начал озвучивать свои наполеоновские планы по обустройству дачного участка, расписывал, где хочет возвести гараж, где баню, где посадить цветочки. Похоже, программист собирался частенько бывать здесь. Цента прошиб холодный пот, когда он понял, что этот визит в загородное логово айтишника далеко не последний. Судя по всему, Анфиса и Маринка решили, что теперь они

будут дружить семьями. Цент с горечью подумал, что ведь он мог бы, как нормальный конкретный пацан, погибнуть в девяностые благородной геройской смертью, получив пулю на стрелке или подорвавшись в заминированном автомобиле. Вместо этого судьба уготовила ему участь, кошмарнее которой трудно себе вообразить. Небеса обрекли его на жизнь, полную унижений и страданий. Он вынужден трудиться таксистом, спать с Анфисой, жать руку Владiku, терпеть рядом с собой Маринку. За что ему все это?

В этот момент от внутренних терзаний Цента отвлекло замечание Маринки.

– Странно, соседей нет, – сказала она. – Обычно они в выходные всегда здесь, и те и вот те.

Соседями у Владика и Маринки могли быть только конченные люди повышенной отвратности, и то, что сегодня их не было на дачах, Цент воспринял как первую хорошую новость за минувшие сутки. Было бы ужасно, если бы количество болтливых лохов вокруг него возросло вдвое или втрое. Бог миловал. Мог бы помиловать и от большего, ведь в свое время Цент отвалил немалое пожертвование на храм, но хоть что-то.

– Да, действительно, – согласился Владик. – Они всегда по воскресеньям приезжают, с детьми.

Цент тут же понял, что зря попенял господе за недостаточное покровительство. Толпа лохов, это еще полбеды, а вот толпа лохов с детьми, это уже серьезная заявка на катастрофу. Цент не любил детей, они раздражали его своим шумом и тупостью. Справедливости ради нужно сказать, что Цент вообще мало что любил: себя, деньги, крутые тачки, пиво, телок, шашлык и вседозволенность. Впрочем, ему бы хватило и последнего пункта, чтобы быстро и без хлопот добыть все остальные компоненты счастья.

– А вы не надумали ребеночка завести? – тут же задала провокационный вопрос Анфиса, обращаясь к будущей ячейке общества. Владик бурно покраснел, Маринка выдавила из себя улыбку, больше похожую на оскал гиены. Цент едва сумел сдержать усмешку. После тех ста сорока восьми аборт, которые сделала бывшая ночная бабочка, скорее Владик родит кого-нибудь против шерсти и законов природы, чем она. Программист, конечно же, не был в курсе относительно бурного прошлого своей невесты, и Цент нутром чувствовал, что это шанс. Вывалить очкарику компромат на Маринку и обломать заразе последний шанс на удачное замужество дорогого стоит, бездна позитива обеспечена. Конечно, Маринка ему этого никогда не простит, обязательно попытается в отместку напакостить, но все это мелочи. Ожидаемое удовольствие того стоит. Нужно только правильно выбрать момент, лучше всего прямо перед свадьбой. А еще лучше – в день свадьбы. Цент готов был на многое, лишь бы увидеть лицо Маринки, которой у алтаря сообщат о том, что ее жених сбежал в неизвестном направлении.

Допив чай, Цент совершенно нечаянно разбил чашку, уронив ее на пол (пришлось ронять трижды, чертова посуда оказалась удивительно живучей), после чего решительно направился к автомобилю. Анфиса обещала ему, что они уедут утром, значит, так и будет. И когда Владик заикнулся о том, чтобы немного задержаться и сходить в ближайший лес, дабы сделать несколько живописных фотоснимков на память, Цент, подойдя к своей сожительнице, сказал ей на ушко:

– Если пойдем в лес, вернутся из него не все.

– Любимый, ну что ты такое говоришь? – попыталась засмеяться Анфиса, но стоило ей взглянуть в пылающие адским огнем очи сожителя, как бывшая ночная бабочка поняла, что тот отнюдь не шутит.

– За базар отвечаю! – заверил ее Цент без намека на иронию. – С Владиком может произойти несчастный случай. С его головой может столкнуться инородный предмет.

– Какой предмет?

Цент вытащил из кармана кастет и показал его Анфисе. После того как светлые времена девяностых сменились эпохой ужаса, безнадёги и порядка, таскать в кармане серьезное оружие, вроде ствола или гранаты, стало невозможно. Но Цент еще с пятого класса привык не выходить

из дома без какого-либо средства увещевания, либо нож, либо кастет всегда были при нем. И вот теперь он красноречиво намекал подруге, что если та не отговорит семью программистов от похода в лес, может произойти тщательно спланированный несчастный случай с летальным исходом.

Анфиса всегда была туповата, но вот в голове ее зазвенели заржавевшие от длительного простоя шестеренки, и до подруги все-таки дошло.

– Наверное, скажу Маринке, что лучше не ходить в лес, – произнесла она.

– Это правильно, – одобрительно кивнул Цент. – И если твоя Маринка не хочет овдоветь до свадьбы, она с тобой согласится.

Неизвестно, что там сказала Анфиса своей подруге, но та тут же заявила жениху, что в лес лучше сходить в другой раз, а сейчас им нужно срочно ехать обратно в город. Бесхребетный Владик даже не стал спорить, и охотно согласился с невестой. Цент был счастлив – кончились его мучения. Сейчас приедет домой, откупорит бутылочку пивка, рухнет на любимый диван и включит какой-нибудь хороший фильм, где крутые гангстеры лихо побеждают трусливых полицейских и прочих отрицательных персонажей. И думать забудет о Владике и Маринке.

Сразу, тем не менее, выехать не удалось. Чета программистов собиралась битый час.

Цент все это время сидел в машине и слушал русский шансон. Песни о ворах, проститутках, и о несчастном мальчугане, которого палачи присяжные посадили в тюрьму за, смешно сказать, убийство двух и более лиц, даже не приняв в расчет наличие матери-старушки и прочих смягчающих обстоятельств, вышибли из Цента скупую мужскую слезу. Это были песни его эпохи, времен свободы и достатка.

Насладиться воспоминаниями о прошлом не дали. Подошла Анфиса и попросила, чтобы Цент помог Владике погрузить что-то тяжелое в багажник. Бывший рэкетир обрушил на подругу взгляд, полный кровожадности, и, с трудом сдержавшись от крепких слов, объяснил, что не является дипломированным грузчиком.

– Но Владика тяжело, – пояснила Анфиса.

Цент хотел сказать подруге, что та просто не в силах представить себе высоту колокольни, с которой ему, Центу, плевать на очкарика, но опять сдержался, на этот раз лишь чудом. Вместо продолжения диалога поднял стекло, оставив Анфису за бортом, а сам включил радио. Слушать священный шансон в таком скверном настроении было никак нельзя.

Странно, но радио почему-то не работало. То есть, оно работало, но ничего кроме помех не транслировало. Цент испробовал несколько частот, и везде слышал один только шум.

– Да что за день-то такой? – проворчал страдалец, и, матерясь сквозь зубы, вылез из машины. Снаружи Владик с Маринкой, кряхтя и надрываясь, тащили к своему рыдвану какой-то деревянный ящик. Чтобы потом не сказали, что свинья безучастная, Цент оказал посильную помощь – придержал калитку, давая тяжеловозам дорогу. Владик, красный от натуги, вежливо поблагодарил за содействие, Цент учтиво заверил, что не за что.

Когда, наконец, тронулись, Цент, прекрасно зная обратную дорогу, тут же вырвался в лидеры. Ему хватило вчерашнего унижения, и сегодня плестись в хвосте у очкарика он не собирался.

– Любимый, куда ты так гонишь? – волновалась Анфиса. – Они же отстанут.

– И хорошо, – оскалился Цент.

– Как тебе Владик?

– Не знаю. Не пробовал.

– Он, вроде, ничего, да?

– Не в моем вкусе.

– Ты с ним, за целые сутки, словом не обмолвился.

Центу захотелось выкинуть Анфису из машины на полном ходу, но он побоялся, что подруга начнет цепляться когтями и поцарапает панель. Мало того, что заставила провести

целые сутки в обществе, прямо скажем, позорном для любого конкретного пацана, так он еще, видите ли, должен был с очкариком светские беседы вести. И о чем, интересно, с Владиком говорить? Они же не просто разные, они из разных миров. Цент из мира свободы и силы, когда сильные и свободные люди отбирали у слабых лохов деньги и материальные ценности. А Владик, он из нынешнего мира, о котором Цент мог говорить только в нецензурной форме.

– Я думала, вы с ним подружитесь, – сообщила Анфиса.

Цент поразился, как в такое короткое предложение подруга сумела вместить столько абсурда. Во-первых, что значит думала? Анфисе думать нечем, у нее в голове пусто и просторно, что было доказано многочисленными клиентами. Во-вторых, только за предположение, что он, Цент, может подружиться с Владиком, следовало убить на месте, ибо дикость и чушь антинаучная.

– А давай их на твой день рождения позовем? – грянула гениальной идеей Анфиса.

Цент промолчал, ибо был занят. В этот момент его воображение рисовало цикл восхитительных картин, объединенных общим сюжетом – до бесчеловечности жестоким убийством двух и более лиц. Можно устроить геноцид прямо на именинах, и вместо торта нарезать программиста, а Маринку облить бензином и поджечь вместо свечки. Что касается Анфисы, с ней тоже нужно было что-то делать, потому что сожительница уже утвердилась в мысли, что Цент является ее собственностью, и им можно помыкать как угодно, не страшась возмездия.

Когда выбрались на трассу, Цент утопил в пол педаль газа, а чтобы не слышать Анфису, врубил шансон. Занятый собственными мрачными мыслями, бывший рэкетир не сразу обратил внимание на одну странность – трасса была пуста. Ни одна машина не проехала им навстречу за более чем десять минут, в то время как обычно на этом участке дроги было не протолкнуться от фур и дачников, ползущих за город на своих ржавых ведрах.

– Любимый, не гони так, – попросила Анфиса, нервно ерзая в кресле. Цент знал, что подруга боится больших скоростей, и в другой ситуации лишь поддал бы газа, но ненормальная пустынность трассы заставила его сбросить скорость. Возможно, впереди большая авария, или постеленный в прошлом году асфальт опять смыло грибным дождиком. В любом случае, лучше не гнать, дабы успеть затормозить. Цент не хотел погибать вот так, в банальном ДТП, да еще и в одной машине с Анфисой. Еще, не дай бог, похоронят в одной могиле, и придется терпеть подругу и после смерти. Это было бы ужасно.

– Владика не видно, – заметила Анфиса, высовывая голову в открытое окно и оглядываясь назад. Цент уже сто раз объяснял подруге, что такое зеркала заднего вида и зачем они нужны, но глупая курица так и не смогла понять, как это – смотришь вперед, а видишь то, что сзади. Повторять лекцию в сто первый раз не захотелось, если человек Анфиса, этого не исправишь.

– Закрой окно, – проворчал Цент. – Дует.

– Давай их подождем.

– Зачем? Они что, дорогу до дома не знают?

– Ну, просто они к нам вначале заедут. Нам с Маринкой надо сходить в одно место, а вы с Владиком побудете.

Цент понял, что сегодня он точно возьмет грех на душу, и, скорее всего, не один. Если сильно перегнуть палку, она сломается, если сильно достать Цента, сломается тот, кто достанет, а так же те, кто окажутся поблизости. Упорное стремление Анфисы сдружить его и позорного очкарика следовало пресечь раз и навсегда. Лучше всего на подругу действовала крепкая любящая затрещина с оттяжкой, ибо слов она, как правило, не понимала, но Цент уже давно не бил сожительницу и как-то отвык от этого. А зря. Именно отсутствие в их отношениях действий насильственного характера настолько развратило Анфису, что она возомнила себя главой семьи.

– Вы с Маринкой можете идти куда угодно, а вот очкарик поедет домой. К себе домой.

– А кто же Маринку заберет?

– Мне все равно! – рявкнул Цент, чувствуя, что еще немного, и он напомним Анфисе старые добрые времена, когда та не успевала накладывать пудру на новые синяки. – Не хочу больше об этом Владике ничего слышать. А если приведешь его к нам домой, то я его с балкона выброшу, и скажу, что это был суицид... Вот же блин! Ну что там еще, а?

Прямо по курсу показалось нечто большое и белое, полностью перегородившее дорогу. Подъехав ближе, Цент понял, что это удачно перевернувшаяся фура.

– Что же за день-то такой? – проворчал Цент, останавливая машину неподалеку от ДТП.

– Любимый, это что? – спросила Анфиса, удивленно разглядывая лежащий на боку прицеп. Сам тягач оказался в глубоком кювете, откуда торчали только его грязные колеса.

Цент открыл дверь и выбрался из автомобиля. Анфиса тут же потребовала отчет о планируемых им действиях:

– Любимый, ты куда?

– Гляну, можно ли его объехать. Ты сиди в машине. И магнитола не трогай.

Обойдя фуру, Цент остановился, задумчиво почесывая затылок. Он ожидал увидеть огромную пробку, матерящихся водителей, гаишников, а вместо них его взору открылась абсолютно пустая трасса. Конечно, могло быть и так, что фура перевернулась всего минуту назад, и пробка еще не успела скопиться, но все же тотальное отсутствие других автомобилей на дороге показалось ему весьма подозрительным.

Объехать фуру было невозможно, а это означало, что придется или искать объездной путь, которого Цент не знал, либо торчать здесь, дожидаясь, пока эту дуру уберут и расчищают трассу. Оба варианта были одинаково отвратительны, поскольку подразумевали дальнейшее пребывание в обществе людей, коим Цент всей душой желал зверских мук, неистовых страданий и вечного горения в аду.

– Любимый, там никто не пострадал? – прокричала Анфиса, высунув голову из окна.

– Еще нет, – отозвался Цент. Судьба растяпы, перевернувшегося на ровном месте, мало его заботила, но все же решил выяснить, живой он там, или можно втихаря обшарить бумажник. Спустившись с насыпи, Цент обнаружил, что грузовик лежит на крыше, которая смялась как гармошка. Водительская дверь отлетела и валялась чуть в стороне.

– Есть тут кто-нибудь живой? – спросил Цент, заглядывая внутрь.

В кабине было пусто. И кроваво. Столько крови за раз Цент видел лишь однажды, когда в деревне участвовал в забое свиньи. Было непонятно, как мог водитель куда-то уйти, потеряв три ведра крови, и, судя по состоянию кабины, получив серьезные травмы.

Пока Цент играл в спасателя, к месту происшествия подъехала чета программистов. Владик с Маринкой выскочили из машины, и тут же подняли шум как две макаки. При этом программист вытащил свой навороченный мобильник, которым хвастался вчера весь вечер, и принялся снимать перевернувшуюся фуру. Цент, выбравшись на дорогу, с ненавистью воззрился на свои новые кроссовки, собравшие по килограмму грязи каждый.

– Вот это да! – восклицал Владик, хватаясь одной рукой за голову, а второй продолжая снимать любительское кино. – Вот это да!

Заметив Цента, он бросился к нему с расспросами, за что едва не получил в репу, ибо рэкетир был зол как черт – шутка ли, столько всего навалилось. К счастью для программиста, к Центу подбежала Анфиса и заключила в крепкие объятия.

– А что с водителем? – спросила Маринка.

– Беспokoишься за постоянного клиента? – сквозь зубы процедил Цент, бывший в курсе того, что на заре свой карьеры Маринка трудилась на трассе, обслуживая дальнoбойщиков.

– Надо, наверное, куда-нибудь позвонить, сообщить об аварии, – догадался Владик.

Цент обошел фуру, огляделся окрест, убеждаясь, что случайными свидетелями даже не пахнет, после чего рывком распахнул дверь фургона. Распахнул, и тут же понял, что жертв-

вованья на храм не прошли даром, потому что ему под ноги, как из рога изобилия, посыпались банки с пивом. Это был джек-пот. Это было вознаграждение за минувшие сутки адских мук. Цент улыбнулся, впервые, кажется, за последний год. Да что там, это и было единственное, за весь год, приятное событие в жизни. Если не считать эпизода месячной давности, когда задавил машиной соседскую собачку, имевшую дерзость лаять на него и даже предпринимавшую попытки покусать за ногу.

Владик уже поднес телефон к уху, когда Цент, повернувшись к нему, сделал кошмарное лицо, и рявкнул:

– Брось!

Владик в страхе швырнул телефон об асфальт, а сам едва не прогулялся под себя, и на то имелись веские причины – когда Цент показывал людям настоящего Цента, Цента из девяностых, с ними еще и не такое случалось.

– Анфиска, у меня в багажнике пустой мешок, тащи его сюда, – повелел Цент, прекрасно понимая, что в сложившейся ситуации каждая секунда на вес золота. В любой момент сюда может принести ненужных свидетелей или, что гораздо хуже, гаишников, и тогда акт мародерства рискует сорваться не начавшись. После наступления времен порядка и стабильности Центу везло пугающе редко, и упускать такие моменты было просто преступной неблагодарностью в адрес фортуны.

Разумеется, подруга тут же включила тупость на полную мощность, как это обычно и происходило в ситуациях, когда нужно соображать и действовать быстро.

– Любимый, а зачем тебе мешок? – спросила она.

Цент знал, что если начать что-то объяснять Анфисе, они тут до завтрашнего вечера застрянут, поэтому повторно скорчил страшное лицо и рыкнул:

– Тащи мешок!

Подействовало. Получив задание, сожительница отправилась исполнять его. Но, как оказалось, не только Анфиса страдает атрофией головного мозга. Владик со слезами на глазах собирал с асфальта останки своего мобильного, Маринка утешала его, и убеждала, что он обязательно заработает много денег и купит себе новый, еще круче.

– Вам особое распоряжение требуется? – рассердился Цент на ненавистную парочку.

– А? – испугался Владик, трусливо прячась от грозного уголовника за спину своей невесты. Возможно, его расчет был на то, что у Цента не поднимается рука на женщину. Напрасный расчет. У Цента все всегда и на всех поднималось, и вообще, нечего и думать об успешной карьере сутенера, если не можешь навалить по шее подчиненным. В свое время Цент лупил своих сотрудниц смертным боем, в том числе доставалось Анфисе с Маринкой. Да и сейчас ничего не изменилось, и если надо будет – навалиет за милую душу.

– У вас сумки или пакеты в тачке есть? – спросил Цент.

– Ну, да, кажется. А зачем?

Тупость окружающих утомила настолько, что Цент едва сумел сдержаться и не пустить в ход кулаки.

– Живо тащите их сюда! Живо!

Владик хотел задать еще какой-то вопрос, который, вполне возможно, мог бы стать последним в его жизни, но лучше знающая Цента Маринка схватила жениха за ручку и потащила к машине.

Мешок Анфиса искала долго, а несла его медленно, словно нарочно издеваясь. Цент тридцать раз пожалел за это время, что перестал устраивать подруге профилактические избиения, польза которых была очевидна. В былые времена та исполняла все команды бегом, а теперь даже не идет, а плетется, едва переставляя ноги.

Анфиса держала мешок, Цент наполнял его, чувствуя давно забытую радость от незаконного присвоения чужого имущества. Сам в уме прикидывал, сколько пива можно загрузить в

обе машины, и имеет ли смысл забросить добычу на дачу программиста, а самим вернуться повторно? В этот момент к нему подошли Владик с Маринкой. В руках у очкарика были сумки, в глазах застыл первобытный ужас от вида противоправных действий.

– Что ты делаешь? – простонал он.

– Хорош глазеть, не в цирке, – проворчал Цент, хватая холодные банки и засыпая в мешок. – Набивайте сумки. Живо.

– Но это же воровство, – пролепетал Владик.

– Если никто не видел, то не воровство, – успокоил Цент совесть программиста. – Хватит, говорю, стоять без дела.

– Нет, я не могу, – замотал головой Владик, пятясь от Цента как от исламиста, увешанного взрывчаткой. – Так нельзя. Это неправильно. Нас за это накажут. Давайте лучше поедим.

В этот момент Цент понял нечто важное – очкарик его сдаст. Сдаст в любом случае, даже если его и не прижмут правоохранительные органы. Сам пойдет и напишет чистосердечное признание, лишь бы только никто не подумал, что и он был соучастником хищения пива в особо крупных размерах. Это понимание неизбежно влекло за собой необходимость профилактической беседы, в ходе которой айтишник должен понять, что держать язык за зубами будет гораздо безопаснее, чем облегчить совесть доносом.

– Подойди-ка сюда, Владик, хочу тебе два слова на ушко сказать, – позвал его в сторонку Цент.

Маринка вцепилась в жениха мертвой хваткой, да тот и сам не хотел идти, но Цент все уладил – Маринке приказал насыпать в мешок пиво, а Владика оттащил в сторону почти силой. Программист был бледен и ожидал худшего. И ожидания оправдались в полной мере.

– Слушай сюда, – зашептал Цент на ухо Владiku. – Если ты хоть кому-нибудь обо всем этом расскажешь, тебя ждет боль. Боль, Владик. Страдание и боль. Муки, которые ты не в силах вообразить. Я возьму паяльник и вставлю его тебе....

– Я никому не скажу! – выпалил программист, чувствуя, как вниз по ляжкам побежали ручьи.

Но Цент не пережил бы лихие девяностые, если бы верил на слово каждому фраеру. Помимо запугивания был еще один эффективный способ заставить программиста молчать – сделать его соучастником преступления. То есть, был и еще эффективнее, который бы заставил программиста замолчать навеки, но Цент решил пока что не прибегать к крайним мерам.

– Владик, мы ведь с тобой друзья? – спросил Цент ласково-снисходительным тоном, каким всегда разговаривал с качественно запуганными лохами.

На самом деле Владик не считал этого изверга своим другом. В нем, как и в Центе, рождала ужас затея баб свести их вместе и попытаться сдружить. Слишком уж они были разными. Владик был робкий, застенчивый, интеллигентный и законопослушный носить букета комплексов, а Цент был просто чудовищем. Раньше Владiku в кошмарных снах снились вампиры или оборотни (главные герои его любимых ужастиков), но теперь, как чувствовал программист, этих персонажей надолго потеснит Цент.

– Так мы с тобой друзья, Владик? – повторил свой вопрос кошмарный человек.

Владик обреченно кивнул головой.

– Ты же мне поможешь по-дружески, да?

И вновь Владик выразил свое согласие. Отказаться было нельзя, отказ означал боль, муки и паяльник. Страх перед возможностью уголовного наказания был силен, но страх перед Центом перекрывал его стократно. И Владик, с большим трудом сдерживая рвущиеся из груди рыдания, согласился стать соучастником преступления.

Цент подошел к делу с размахом, благо опыт имелся. В лихие девяностые он как-то участвовал в одной шикарной коммерческой операции, результатом которой стала пропажа в неизвестном направлении десяти вагонов титана с одного стратегического предприятия. Тут, разу-

меется, масштаб был скромнее, но и времена настали уже не те. Теперь, чтобы воровать по-крупному, нужно было вступить в какую-нибудь государственную ОПГ, стать чиновником или полицейским, а Цент не привык ходить под кем-то, ибо был свободным волком и более всего ценил волю. Увы, в наступившие времена безнадёжного порядка воля означала не простор для творчества, а только то, что ты никому не нужен и неинтересен, и можешь вольным образом катиться куда подальше, дабы не мешал серьёзным людям толкать на вражеский загнивающий запад невозполнимые природные богатства отчизны.

Под чутким руководством Цента работа закипела. Трудились все, никто не отлынивал и не ленился, потому что суровый бригадир следил за своими подчиненными зорким оком, и если только замечал малейший намек на отсутствие усердия, грозил лишением премии и части зубов. Больше всего угроз выпадало на долю Владика, хотя запуганный программист совсем этого не заслуживал, ибо трудился с полной самоотдачей, лишь бы не прогневить изверга. Он таскал полные сумки пивных банок к машине, а ноша эта была тяжела. Владика по медицинским соображениям запрещалось поднимать тяжести, но он даже заикнуться об этом побоялся, потому что сердцем чувствовал – Цента ни диагнозами, ни слезами не разжалобишь.

Вскоре багажники обеих машин оказались забиты банками с пивом. Чтобы вошло больше, Цент попросил друга Владика выкинуть свою закуску, что программист и проделал, ибо о каком-либо сопротивлении уже не помышлял. Помышлял он об ином. О том, как доберется до дома (если доберется) и серьёзно поговорит с Мариной. В частности растолкует ей, что их совместное счастье будет возможно лишь при одном условии – если в это счастье больше никогда не вторгнется Цент. Владик даже готов был на переезд в какой-нибудь другой город, а если потребуется, то и в другую страну, ибо ужас, в который поверг его уголовник из девяностых, был велик. Но все же программист надеялся, что невеста поймет его и оградит от контактов с Центом в будущем.

– Так, грузим в салоны, – скомандовал Цент.

– Любимый, может быть, хватит? – спросила Анфиса.

В который раз Цента поразила глупость подруги. Ну как можно отказываться от фактически посланного небом сокровища? Тем более что Цент уже набросал кое-какой план по реализации честно украденного товара. Был у него один знакомый хозяин ларька, который чудом уцелел после тотального наведения порядка. Правда, новые хозяева страны и его грозились закрыть со дня на день, а ларек снести ради восстановления исторического облика города, но пока что держался, хотя большая часть прибыли уходила на отвод глаз государевым людям. Цент планировал реализовать добычу через его ларек. Не всю, конечно, изрядную часть он оставит себе для личных нужд, но и денег заработать нелишне. Теперь главное взять как можно больше.

– Грузим в машины столько пива, сколько влезет! – скомандовал Цент, и тут же подумал, что если бросить здесь баб, пива поместится гораздо больше. Сам он, не задумываясь, променял бы Анфису на ящик пенного счастья, но вот программист может отказаться. На этот случай у Цента имелся буксировочный трос, так что можно зацепить колымагу очкарика и запихнуть туда еще немного пива, а владелец пускай остается со своей невестой, и еще Анфису себе забирает, не жалко.

Страда затянулась, однако опасения Цент оказались напрасными – ни один автомобиль так и не подъехал к месту происшествия. Не будь герой девяностых так увлечен мародерством, он бы обратил на это внимание и призадумался, но процесс хищения чужого имущества всецело поглотил его. Под грузом пива у автомобилей едва не ломались рессоры, а Цент хотел еще и еще. Поняв, что больше ни одной банки унести не удастся, он схватил две, откупорил и осушил залпом. Владика это зрелище едва не опрокинуло в обморок. Он с ужасом понял, что Цент собрался вести машину в нетрезвом состоянии.

– Все, поехали, – скомандовал Цент. – Пиво возем ко мне в гараж, там спрячем. Эй, Владик, тут какой-нибудь объездной путь есть?

– Надо посмотреть по навигатору, – отозвался программист.

– Так посмотри. И дорогу тщательно выбирай, не ошибись. Помнишь наш разговор?

Владик судорожно кивнул. Этот разговор он вряд ли сможет забыть до конца своих дней.

Навигатор с трудом отыскал окольный маршрут через какую-то деревню. Необходимо было вернуться километров на пять назад и сделать солидный крюк, но Цента больше не приводила в ярость необходимость лишней траты бензина. Оно того стоило. Поездка на дачу обернулась неожиданно богатым урожаем.

Теперь обе машины ехали медленно и с трудом из-за перегруза. Владик показывал дорогу, Цент следовал, периодически оглядываясь на заднее сиденье, заваленное по самую крышу пивными банками. До нужного поворота добрались без происшествий, да и откуда им было взяться на абсолютно пустой трассе? Дальше дорога пошла хуже, с ямами и колдобинами, но Цент стиснул зубы и терпел, надеясь на то, что Владик и его навигатор не ошиблись с выбором маршрута. Если же это все-таки произошло, то навигатор будет разбит об асфальт, а Владик... Да и Владик тоже.

Езда по отвратной дороге продлилась целую вечность, прежде чем впереди показались признаки населенного пункта. Деревня оказалась немаленькой, вот только людей видно не было совсем, как будто они попрятались или вымерли. Увидев впереди придорожный магазинчик, Цент посылал Владика и припарковался на обочине. Нужно было купить сигарет, ну и сжевать чего-нибудь, поскольку хищение чужого добра всегда пробуждало у Цента зверский аппетит.

– Как-то тут малоллюдно, – заметила Анфиса, выгружая свой организм из салона автомобиля. То была не совсем правда. Вокруг было не малоллюдно, а вообще безлюдно. Теперь и Цент обратил на это внимание. Деревня не выглядела вымершей, да и располагалась она слишком близко к городу, где красивая жизнь и рабочие места. Тем не менее, людей почему-то не было. Более того, Цент вдруг понял, что не слышит вообще никаких звуков жизни. Собаки не лаяли, птички не щебетали, и ниоткуда не доносилась музыка или рев мотора. Но все эти странности меркли на фоне крепко запертых на амбарный замок дверей сельпо, в то время как приклеенное к ним же расписание сообщало, что в данный день и час торговая точка должна активно функционировать, снабжая страждущих едой и напитками.

– Сегодня что, праздник какой-то? – поинтересовался Цент у Анфисы, поскольку сам не следил за красными датами в календаре. После того, как благословенные девяностые канули в небытие, у Цента все дни стали черными.

– Нет, кажется, – задумалась подруга, скребя накладными ногтями крашеную шевелюру.

Тут из своей машины выскочила семейка программистов. Владик тут же предстал перед Центом, ожидая дальнейших указаний, Маринка странно улыбалась, причиной чему были выпитые ею пять банок ворованного пива. Не будь несчастный программист запуган жутким уголовником, он бы тоже обратил внимание на подозрительную безлюдность, но Владика в настоящий момент интересовало только одно – как распрощаться с Центом живым?

– Магазин закрыт! – поделился плохой новостью Цент. – Почему?

– Я не знаю, – пролепетал Владик, очень боясь, что Цент во всем обвинит его.

– Мне в туалет надо, – капризно заявила Маринка.

– Садись хоть здесь, вокруг все равно ни души, – предложил ей Цент. – Блин, да что вообще происходит? На трассе пусто, тут пусто. Куда люди делись, а?

Вопрос вновь был адресован Владика. Тот сжался в дурно пахнущий комочек, и промямлил:

– Не могу знать.

– Тут туалет есть? – опять полезла со своим Маринка.

– Да отстань ты с туалетом, – отмахнулся от нее Цент. – Если стесняешься, зайди за магазин.

Маринка постояла минуту, раздумывая, последовать ли совету, или потерпеть, затем все же решила, что мочевого пузыря не резиновый, и поковыляла за здание сельпо.

– Любимый, поехали уже домой, – попросила Анфиса.

– Сейчас поедем, что еще-то делать? – проворчал Цент. – Просто курить хочу. Да и перекусить бы. У программистов на завтрак одна вода была, кишки бунтуют без калорий. Вот и ходи в гости к скупердяям. Ну, где там эта клуша? Заблудилась, что ли? Или забыла, зачем пошла?

Стоило вспомнить Маринку, как из-за сельпо прозвучал ее полный возмущения голос:

– Ты кто? Тебе чего надо? Ну-ка иди отсюда, я сейчас жениха позову.

У Владика едва не подкосились ноги, когда он услышал угрозу своей невесты. В теории программист знал, что за свою девушку нужно заступаться, но очень надеялся, что до практики дело не дойдет.

– По-моему, там к твоей будущей жене пристают, – подсказал Владика Цент. – На твоём месте я бы поспешил вмешаться, потому что Маринка очень твердая баба, вообще не ломается.

Владик дернулся вперед, и тут же остановился.

– Марина, у тебя все хорошо? – прокричал он с безопасного расстояния.

– Любимый, сходи, – попросила Цента Анфиса.

– Нет уж, ты меня в их семейные дела не впутывай, – поспешил отказаться потенциальный герой. – Чья невеста, тот пусть и идет.

– А меня бы спасти пошел? – задала ожидаемый вопрос Анфиса.

– Конечно, – заверил ее Цент, и ни разу не покраснел.

В этот момент из-за сельпо прозвучали новые крики, и градус возмущения в них значительно возрос.

– Ты чего? Чего тебе? – верещала Маринка, и вдруг сорвалась на истошный визг. – Ай! Козел! Отвали!

Владик топтался на месте, не зная, как помочь своей невесте без риска для здоровья, Анфиса переживала за подругу, Цент наслаждался жизнью. А когда из-за магазина выскочила Маринка, на бегу подтягивающая брюки, бывший рэкетир не сдержался и заржал в голос. Вот бы где пригодился мобильник Владика. Такие кадры пропадали!

– Вы чего стоите? Там на меня какой-то бомж напал! – закричала Маринка. – Вообще больной. Он меня укусил!

В подтверждение своих слов невеста программиста предъявила руку, на которой действительно красовался кровотокающий след от укуса. Узрев кровь, Владик зашатался, предобморочно подкатив глаза. Анфиса побежала к машине, искать аптечку. Цент стоял и скалился, ему было хорошо.

Второй участник драмы, разыгравшейся за магазином, не заставил себя долго ждать. Из-за угла вдруг вывалилось нечто грязное, окровавленное и слегка человекообразное. Это нечто двигалось как пьяное, каковым оно, вероятно, и являлось, однако курс держало верный – строго на Маринку.

– Похоже, любовь с первого взгляда, – поставил диагноз Цент.

– Хватит ржать, убери его! – потребовала покусанная жертва, с ненавистью и отвращением любясь своим новоприобретенным поклонником.

– Уж вы меня в свои семейные дела не вмешивайте, – открестился Цент. – Я человек посторонний. Разбирайтесь сами.

Неизвестный субъект повышенной отвратности издал носоглоткой какой-то странный звук, то ли рычание, то ли стон, и пошел на Маринку, выставив перед собой руки. Конечно, следовало бы отвадить автохтона, но тот был до того омерзителен, что Центу даже бить его

было противно. Все равно, что ударить лежащую на тротуаре кучу известной субстанции, воздвигнутую на пути следования пешеходов одним из царей природы. К тому же, было интересно посмотреть, как эту ситуацию решит программист. Ведь именно к нему Маринка и обратилась за защитой, когда поняла, что Цент не собирается вмешиваться.

– Любимый, сделай что-нибудь! – потребовал она, пятась от неадекватного субъекта.

– Милиция! – чуть слышно крикнул Владик, трясаясь от ужаса.

– Милицию отменили, – напомнил Цент.

– Полиция! – пискнул Владик.

Субъект запрокинул голову, явив во всей красе свою неприглядную физиономию. Выглядел он так, будто только что выкопался из могилы. Взгляд был мутный, на губах повисла кровавая пена, из горла продолжал вырываться зловещий рык.

– Да что вы все стоите? – завопила Маринка.

– Владик, покажи каратэ, – подсказал Цент.

Неизвестно, чем бы все кончилось, потому что каратэ Владик показать не мог при всем желании, а Цент мог, но не собирался, но тут к нечистоплотному маньяку подбежала Анфиса и с размаху ударила его по голове взятым в машине огнетушителем. Агрессивного колхозника швырнуло на землю, Анфиса, закрепляя успех, ловко лягнула его ногой. К ней незамедлительно присоединилась Маринка, и уже через секунду две озверевшие подруги яростно обрабатывали нашедшего приключений мужика. Анфиса била огнетушителем, Маринка вооружилась палкой. Цент с Владиком стояли в сторонке и созерцали.

Экзекуция завершилась нескоро, и то благодаря Центу, который оттащил баб от их жертвы, опасаясь, как бы дело не кончилось убийством.

– Поехали, я курить хочу, – напомнил он.

Избитый гражданин зарычал, и начал вставать. Цент удивленно присвистнул. После такой порции нежностей даже крепкий человек не сразу сумел бы воздвигнуть себя на ноги, а этого будто и не били.

– Ну, сам напросился, – вздохнул рэкетир, и душевно пробил маньяку с ноги. Могучим ударом мужика отбросило к стене магазина, где он затих ровно на секунду, после чего рыкнул, хрюкнул, и опять начал вставать. Уши Цента запылали огнем стыда. Вот они и сказались, годы покоя и стабильности. В былые времена он таким ударом отправлял даже не в нокаут, а прямиком в морг, теперь же даже не смог вырубить хилого алкаша, над которым до него всласть потрудились бывшие проститутки.

– От голода, наверное, ослабел, – виновато оправдался он. – Программисты по-людски не накормили.

Тем временем субъект уже успел встать на ноги. Теперь уже оставлять все вот так было нельзя. И дело даже не в том, что подумают о нем остальные, куда хуже, что самому придется с этим жить. Цент понял, что должен исправиться любой ценой.

На этот раз бил наверняка – пяткой в грудь. Отличный удар, убойный, а Цент в свое время в совершенстве овладел им, отрабатывая технику на жадных коммерсантах. Живучего маньяка отбросило назад и буквально размазало по стене. При этом все, в том числе и Цент, прекрасно слышали зловещий хруст и душераздирающий треск. Хруст был порожден ломающимися ребрами маньяка, треск издали штаны Цента, которые не выдержали боевого приема и зверски порвались в промежности.

– Милый, ты его не убил? – забеспокоилась Анфиса, поглядывая на распластавшегося у стены сельпо незнакомца. Тот не двигался, и, кажется, даже не дышал.

– Хрен знает, – пожал плечами Цент, изучая пробоину в корпусе. Дыра была огромна, и, хуже того, штаны изволили порваться не по шву, а как попало, то есть их теперь только выбросить и остается. А ведь в прошлые выходные куплены, первый раз надеты. Если бы не моральная компенсация в виде украденного пива, Цент бы умер от горя.

– Поехали, – сказал он, внимательно глядя на Владика, дабы заметить, если вдруг на прыщавой физиономии мелькнет хотя бы намек на улыбку по поводу порванных штанов. Такое прощать нельзя. Все остальное тоже.

Цент первым направился к своему автомобилю, но дойти не успел, потому что за его спиной заверещали бабы и взвизгнул Владик. Одолеваемый недобрыми предчувствиями Цент медленно обернулся, и увидел невероятную картину: бомж вставал. Это было немыслимо. Цент на своем веку поломал людям немало костей, да и самому их ломали нещадно, так что он очень хорошо знал, после получения каких травм человек еще что-то может, а после каких нет. В глупых голливудских фильмах, которые Цент терпеть не мог, ибо загнивающий запад и вообще непатриотично, главному герою ломали руки и ноги, пронзали его тело десятком пуль, а герой, немного похравав, бежал дальше здоровенький. Жизнь была суровее. Цент знал наверняка, что человек со сломанными ребрами не сможет вот так запросто взять и подняться. А этот почему-то мог. Возникло подозрение, что это бомж-терминатор, которого бомжи будущего послали в настоящее, чтобы тот спас от бродячих собак самый вкусный мусор на помойке. Или субъект просто перебрал волшебного самогона, изготовленного по секретным рецептам травницы Агафьи, и потому не чувствует боли. Ну и было еще одно объяснение, о котором Цент даже думать не хотел, потому что было слишком унижительно. Что, если всему виной не бомжи из будущего и не настойка травницы, а просто то, что некогда крутой перец растерял за годы покоя всю свою крутость и убойность? Если так, то жить дальше незачем, потому что Цент хотел либо жить крутым перцем, либо не жить никак.

– Любимый, может, ну его? – предложила Анфиса. – Поехали домой, я тебе котлеток пожарю.

– Отвали со своими котлетами! – вдруг взорвался Цент, нависая над Анфисой гранитной скалой. – Все из-за них. Из-за котлет, блинов, пельменей, прочего домашнего уюта, будь он неладен. Во что я превратился? Два раза лоху прописал, а он даже не хромает! Это ты во всем виновата.

– В чем? – опешила Анфиса.

– Во всем! В том, что я стал такой. В том, что страна стала такой. В том, что потащила меня на дачу к этому очкарику, хотя знала, что я очкариков и манную кашу с детства ненавижу. А еще эта лохудра, подруга твоя. Она меня реально бесит. Как вижу, хочу убить.

– Маринку? – ужаснулась Анфиса.

– И Маринку тоже. Всех хочу убить. И тебя, и ее, и Владика. А ты что тут рычишь? Мало тебе? На!!!

Новый удар опрокинул бомжа на землю, но когда, через мгновение, это грязное тело опять начало вставать, Цент едва не зарыдал от отчаяния.

– Любимый, успокойся, поехали домой, – стала ласково упрасивать его Анфиса. Маринка и Владик стояли в стороне, и со страхом взирали на Цента. Прозвучавшие из его уст признания вселили ужас в их сердца. Владик не знал, на что способен этот изверг, и боялся до икоты, Маринка прекрасно знала, на что он способен, и боялась до седых волос.

– Что за жизнь такая? – прорыдал Цент, чувствуя, что еще немного, и он закатит настоящую истерику, тем самым окончательно втоптав в грязь свой некогда непоколебимый авторитет.

Непробиваемый бомж к тому времени успел подняться на ноги, и, пошатываясь, пошел на Цента. Ярость вскипела в груди рэкетира.

– Убью! – прорычал он, и все, включая Владика, поняли, что это не шутка.

Удары обрушились на бомжа градом. Цент быстро свалил его на землю и пошел полировать ногами, вкладывая в каждый удар всю свою силу, а незнакомец продолжал рычать в одной тональности и пытаться встать. Той дозы насилия, что была выплеснута Центом на голову этого субъекта, вполне хватило бы, чтобы переправить в мир иной три десятка жадных коммерсан-

тов средней упитанности. В какой-то момент не выдержали кроссовки, вначале подошва отскочила у одного, затем и у второго. Цент представил, насколько нелепо он выглядит: босой, в рваных штанах, яростно избивает какого-то бомжа. Хорошо, что братва не видит сего эпического позорища.

– Да он что, бессмертный что ли? – пробормотал Цент, яростно борясь с отдышкой. Его организм, размякший на котлетах и покое, капитально отвык от подобных физических нагрузок.

– Любимый, пожалуйста, хватит! – умоляла его Анфиса. – Плюнь на него.

– Плюнул уже пять раз, не помогло, – прохрипел Цент, поворачиваясь к подруге с намерением дать той совет совершить увлекательное путешествие по двум-трем небезызвестным адресам на выбор, но увидел такое, что резко передумал. Оказалось, пока он вспоминал подзабытые навыки рукопашного боя, к бомжу подошло подкрепление. С десятков тел аналогичного вида, но разного пола и возраста, наступали с тыла. Все были грязные, окровавленные, и конвульсивно дергались при ходьбе.

– Господи, сколько их! – завопил Владик, с ужасом глядя на бомжей.

– Зато на нашей стороне правда, – успокоил его Цент, оглядываясь по сторонам в поисках надежного средства увещевания. Тут кастет не вариант, больше подошла бы родная бейсбольная бита, но боевая подруга уже давно не ездила с хозяином в багажнике, а без дела пылилась на балконе.

В этот момент начал вставать битый бомж, и Центу в третий раз за всю жизнь стало страшно. Первый раз было страшно, когда увидел список книг, заданных на прочтение в летние каникулы в шестом классе, второй раз было страшно, когда впервые увидел Анфису не покрашенной. И вот теперь ощутил страх в третий раз, а все потому, что бомж просто не мог встать, даже в том случае, если это бомж-терминатор из будущего, после стольких-то килоджоулей тумачков! Но он вставал. И продолжал рычать.

– Поехали! – скомандовал Цент, решивший произвести тактическое отступление, а если вдруг кто-то назовет данный маневр бегством с поля боя, у того зрительный нерв окажется аккурат напротив седалищного. А если этот кто-то, к примеру, носит очки, программист и зовут его Владик, с тем может произойти отравление свинцом – у Цента в гараже как раз пылился старый аккумулятор, таким если треснуть по башке, то добавки не потребуется.

Вся компания расселась по машинам и тронулась, жуткие рычащие бомжи остались позади. Чтобы подлечить травмированную психику, Цент осушил одну за другой пять банок пива. Помогло. Больше Цент не горел желанием сиюминутно убить Владика и его невесту особо жестоким способом, теперь хотелось просто убить гуманно, без предварительных пыток. На соседнем сиденье Анфиса трещала как автомат, возмущаясь тем фактом, что бомжи совсем озверели и на людей кидаются. Цент старался не слышать подругу. Все его мысли были заняты предстоящей реализацией пива, а еще тем, что пора уже завязывать с ленивым образом жизни и немного привести себя в форму. В гараже валялась двухпудовая гирия, хороший снаряд, привычный, ну а освежать воспоминания по технике ударов можно в только что покинутой деревне, благо боксерских груш там ходит видимо-невидимо.

Глава 3

Увлеченный построением планов на ближайшее будущее, Цент временно отвлекся от мирской суеты и контроля над дорогой, а потому, когда автомобиль Владика вдруг резко затормозил, не успел среагировать оперативно. Анфиса, традиционно забившая на ремни безопасности, с воплем размазалась по лобовому стеклу, Цента швырнуло на руль, притом удар был такой силы, что затрещали ребра. Не успел бывший рэкетир понять, что случилось, как сзади на него и Анфису сошла лавина пивных банок, одна из которых, холодная и влажная, закатилась Центу за шиворот.

– Убью айтишника! – прорычал Цент в наступившей тишине.

Цент выбрался из автомобиля с твердым намерением обагрить руки кровью. Он мог бы простить Владика то, что тот лох, очкарик и программист, но разбитый нос своей тачки Цент не простил бы никому. А тачке досталось. Обе фары были вдребезги, решетку радиатора теперь оставалось только выбросить, номер отвалился и валялся на асфальте. Но хуже всего дело обстояло с капотом, который, стараниями программиста, приобрел новую, весьма неприглядную, форму. Цент вспомнил, что где-то в багажнике, под слоем пивных банок, у него припрятана саперная лопатка. Вот именно ею Владик и будет рыть себе могилку на обочине, но не раньше, чем оплатит ремонт, компенсирует физический и моральный ущерб, то есть пока не отдаст все, что имеет, до копейки.

Программист и его будущая вдова сидели в машине и наружу не торопились. Цент подошел к водительской двери и вежливо постучал пальцем по стеклу.

– Выходи, очкарик, перетрем, – позвал он.

Из салона на него уставились два огромных глаза, в которых застыл первобытный ужас.

– Выходи, Владик, не бойся, – пошел на хитрость Цент. Незачем заранее информировать лоха о том, что его ждет в ближайшем будущем. А ждет его полное разорение, и хорошо, если программисту не придется почку на черном рынке продавать.

Но Владик, вместо того чтобы выйти и подвергнуться разводу на бабки, стал тыкать пальцем куда-то вперед и что-то бормотать. Цент его не расслышал. Повернув голову в указанном направлении, бывший рэкетир увидел такое, что едва не забыл о своей разбитой машине. Впереди, метров через сто, дорогу преграждал завал из покореженного железа, в котором не сразу угадывались контуры автомобилей. Там были и легковушки, и грузовики, и даже один автобус. Кое-где над грудой поднимался дымок, а ветер донес до чуткого обоняния Цента запах горячей резины. Весь этот обугленный металлолом основательно перекрыл проезд непреодолимой стеной, но, что более всего смутило Цента, ни одного человека рядом с местом мегалитического ДТП он не увидел.

– Что, блин, происходит? – пробормотал бывший рэкетир.

– Ой, какая большая авария! – взвывла Анфиса, которой стало скучно сидеть в машине. – Ой, а там что?

Цент повернул голову, и увидел то, на что указывала зоркая подруга. Из лесополосы, что шла параллельно трассе, торчал покореженный хвост вертолета. Судя по поломанным деревьям, вертолет, а точнее его останки, находились где-то в зарослях.

Разбитые машины, упавшие вертолеты... Неужели на родимую сторонку напал блок НАТО?

– Любимый, что происходит? – потребовала объяснений Анфиса, да еще таким тоном, будто это Цент все организовал. Тот бы и рад сказать, что полностью повинен в творящемся хаосе, но это было не так.

Владик и Маринка вылезли из машины. Программист дико тарашил глаза и что-то бормотал, Маринка, успевшая повторно припасть к похищенному пиву, стала нетрезво возмущаться, что ее покусал бомж и всем показывать свою перебинтованную руку.

– Что же это? – простонал программист, хватаясь за голову. – Такая авария, и никого нет.

– Кто-то есть, – обратил внимание Цент, заметив возле груды металлолома какое-то движение.

Все уставились в обозначенном направлении, ожидая увидеть спасателя, героически вытаскивающего из-под завала пострадавших, но вместо этого наружу вылез еще один бомж. Грязное, окровавленное тело выползло из покореженного автомобиля, постояло секунду, и поковыляло к людям. Цент расслышал уже знакомое рычание – точно такой же звук издавал непробиваемый бомж из деревни.

– Давайте поедem, – трусливо предложил Владик, которому почему-то совершенно не хотелось дожидаться, пока человек дойдет до них.

– Куда? – проворчал Цент. – Нам в город надо.

– Поищем другой путь.

– Еще один? Мне бензин на заправке не со скидкой наливают, чтобы домой через Камчатку ездить. Останемся здесь, подождem, пока эту кучу растащат. Хотя, чую, это надолго.

Тем временем человек приблизился настолько, что его удалось рассмотреть подробнее. Анфиса ойкнула, Маринка нетрезво хихикнула, Владик завизжал, у Цента по спине пробежали мурашки. Потому что прямо на них двигался труп. Сомнений в этом не было никаких – из безобразной раны на животе вывалились кишки и волочились по асфальту, правой руки не было по локоть, полголовы так же отсутствовало.

– Господи! – заблажил Владик. – Этого не может быть! Это сон! Я сплю!

В любой другой ситуации Цент не упустил бы возможности посмеяться над трусливым программистом, но сейчас ему и самому было страшно. В жизни довелось повидать всякого, но это выходило за рамки не только личного опыта, но и законов природы. Мертвецы не ходят и не рычат, на то они и мертвецы.

– Зомби! – выпалил Владик, непроизвольно орошая штаны.

Кто такие зомби Цент знал, видел их в кино. Вот только не думал, что доведется столкнуться с данными субъектами в реальной жизни. Глядя на труп, что бодро ковылял прямо к ним, бывший рэкетир понял, что это как раз тот случай, когда следует пожертвовать авторитетом в пользу здравого смысла. Пусть бегство и не самый лучший вариант, но не драться же с живым мертвецом. И не с одним, потом что из-под покореженных автомобилей уже выползали другие зомби, и было их много.

– Быстро по машинам! – скомандовал Цент. – Едем обратно на дачу.

– Надо в полицию позвонить, они нас защитят... – пробормотал Владик и без чувств повалился на асфальт.

– Любимый, что с тобой? – забеспокоилась Маринка, тормоша бесчувственное тело своего суженого. – Надо его в твою машину положить, ему плохо.

– А тачку кто поведет? – возмутился Цент. – В ней мое пиво. Нет уж, приводи этого симулянта в чувства, и живее.

Маринка принялась нежно похлопывать Владика по щекам, тот сносил эти ласки безразлично, и не думал приходить в себя. Тогда Цент понял, что без его вмешательства толку не будет.

– Отойди, лохудра! – рыкнул он, отталкивая Маринку в сторону. – Ну, что развалился? Вставай!

С этими словами Цент ударил Владика ногой по гениталиям. Методика шоковой реанимации тут же оправдала себя – и глаза и рот Владика распахнулись одновременно, из глаз хлынули горькие слезы боли, изо рта истошный крик.

– Милый, попрыгай на пяточках, – подсказала Маринка. Владик визжал как резанный и катался по асфальту, обхватив ладошками обитое хозяйство. У Цента начало иссякать терпение.

– Анфиска, садись в машину, – приказал он подруге. – Поехали. А эти пусть тут остаются.
– Ты нас бросишь? – возмутилась Маринка.

Цент ее откровенно не понял. Будь возможность, он бы не только бросил этих двух ненавистных ему людей, он бы их лично порвал вдоль и пополам, а Владика еще поперек и по диагонали.

– Любимый, мы же не можем их бросить, – заявила Анфиса. – Они наши друзья.

Давненько у Цента не возникало такого страстного желания ударить близкого человека. Зачислить позорного программиста и макаку Маринку в его друзья мог только лютей враг, а с врагами разговор короткий. Только чудом Цент сумел сдержаться, чтобы не бросить вместе с лохами еще и Анфису.

– Либо едешь со мной, либо остаешься с ними, – предложил он на выбор.

Анфиса приятно удивила – думала всего секунды полторы.

– Я с тобой! – выпалила она.

– Но без нас вы на дачу не попадете, – выложила последний козырь Маринка, тормоша раненого Владика и со страхом поглядывая на мертвеца, что был уже в каких-то десяти шагах от нее.

– А ведь и верно! – опомнился Цент, после чего подбежал к машине Владика, распахнул бардачок и схватил ключи от загородной резиденции программиста. Сердце кровью облилось, когда увидел, сколько пива придется бросить, но ситуация не оставила иного выбора. Будь у него чуть больше времени, зацепил бы колымагу программиста тросом и тащил бы на буксире, а так пришлось утешить себя народной мудростью: легко пришло – легко ушло.

Маринка что-то кричала, кажется, взывала к совести и человечности, но если эти качества и присутствовали у Цента, он редко давал им право голоса. Совершив лихой разворот, Цент направил автомобиль обратно к дачному массиву. Анфиса какое-то время молчала, затем, не выдержав, спросила:

– Это что, были мертвецы?

– Не знаю, – буркнул Цент.

– Но такого ведь не бывает, – не слишком уверенно заявила подруга.

Цент промолчал. То, что незыблемость мира иллюзорна, он знал не понаслышке. Это было уже третье крушение мира на его веку. Впервые окружающий мир разрушился с распадом СССР, и вместо комсомола Цент вступил в ОПГ. Во второй раз мир рухнул тогда, когда лихие девяностые вдруг сменились чем-то другим, что некоторые называли порядком, а Цент отстоем. И вот, кажется, довелось наблюдать крушение мира в третий раз. Цент пока не знал, радоваться ему, или грустить, к тому же оставалась надежда, что весь этот зомби-апокалипсис носит локальный характер, и вскоре компетентные службы наведут порядок, зачистив территорию от живых мертвецов. Главное, чтобы сгоряча не зачистили всех подряд.

До деревни добрались без происшествий, но стоило въехать в населенный пункт, как Цент ударил по тормозам, потому что дорогу впереди перекрывала огромная толпа зомби. Вот не гулялось чертовым мертвецам по обочине, надо было столпиться на проезжей части. Не будь их так много, Цент пошел бы на таран, но слишком велик был риск увязнуть в тухлом мясе. Цент еще не знал, насколько опасны зомби, но вот Маринку же один из них укусил. Возможно, кусаются и остальные. Возможно, не только кусаются. Если бы съели одну Анфису, Цент смог бы пережить эту утрату без слез и истерик, но подвергать риску собственный организм он категорически не хотел.

– Не проехать, – пропищала подруга, с ужасом глядя на толпу окровавленных и грязных тел. Заметив автомобиль, зомби радостно зарычали и принялись дружно наступать.

– Что ж за день-то такой? – в очередной раз спросил Цент у высших сил, и, совершив разворот, поехал обратно. Сильно не гнал, спешить было некуда. Они оказались заперты на участке дороги километров четырех длиной. Съездов не было, а попытка проехать по бездорожью могла обернуться утратой транспортного средства. Вот когда Цент пожалел, что в свое время не купил джип.

– Мы в ловушке! – трагическим голосом провыла Анфиса.

– погоди ныть, еще живые, – утешил ее Цент, замечая впереди некую точку, которая стремительно разрослась, превратившись в летящий на полной скорости автомобиль. С чувством глубочайшего разочарования Цент узнал рыдван Владика, а затем разглядел и самого программиста на водительском сиденье. Рядом с ним присутствовала Маринка – даже ее не съели.

Два автомобиля остановились одновременно. Владик, бледный, заплаканный, но уже не пытающийся упасть в обморок, высунул голову из окна и спросил:

– Вы вернулись за нами, да?

– Почти, – буркнул Цент, который решительно не мог понять, что заставляет людей приписывать ему совершенно несвойственные черты, такие как взаимовыручка, альтруизм и доброта. Кажется, он не давал для этого решительно никаких оснований.

– Едем быстрее, там такой ужас, – бормотал Владик. – Их там десятки, они нас почти схватили. Такие страшные. Я так испугался....

– Да забейся! – рявкнул Цент, наступая на горло жалобной книге. Терпеть не мог, когда лохи начинали ныть, а они всегда начинали, потому что просто обожали это дело.

Владик втянул голову в плечи и спрятался обратно в салон.

– Так, – принялся рассуждать Цент. – Вперед нам нельзя, назад тоже нельзя. По бездорожью машины не пройдут. Безвыходная ситуация.

На самом деле выход был, и очень простой – пойти пешком. Конечно, не дело крутому перцу ноги выворачивать, но иногда приходится. Однако Цент не хотел даже рассматривать подобный вариант, потому что в данном случае пришлось бы бросить все пиво. Но и сидеть на дороге в ожидании того, что прилетят военные или еще кто-нибудь, и наведут порядок, было глупо. Во-первых, военные могут не прилететь. Во-вторых, военные могут отобрать пиво. И, в-третьих, зомби могут пожаловать сюда раньше военных.

– Давайте поедem на дачу, – опять полез с советами Владик.

– Нельзя, – растолковала ему Анфиса. – Там эти зомби дорогу перекрыли.

Услышав это, Владик слегка отсырел.

– Давайте вместе подумаем, что нам делать, – предложил он.

– Я уже подумал, – обрадовал очкарика Цент. – Сидим здесь, сторожим пиво, и ждем.

– Чего?

– Ждем, когда появится возможность довести пиво до моего гаража.

Владика план не понравился, но Цент исподтишка показал ему свой кулак в профиль, и все возражения застряли у программиста в глотке. Маринка продолжала ныть, что у нее болит покусанная рука, Анфиса прихорашивалась, глядя в походное зеркальце, ну а Цент решил потратить время с пользой и подготовиться ко всему. Когда-то он был готов ко всему: в багажнике лежала бита, в кармане кастет, в другом кармане ствол, в бардачке парочка противопехотных гранат, а если этого окажется мало, то в гараже был припрятан автомат с солидным запасом патронов. Но времена стабильности сделали беззубыми не только страну, но и Цента. От прежнего изобилия остался только кастет, а это не аргумент против зомби. Вот бита самое оно, но где ее взять? Похоже, придется импровизировать.

Когда Цент направился к лесополосе, все три бабы разразились испуганными криками, но рэкетир лишь отмахнулся и продолжил путь. В зарослях вполне могли поджидать зомби, но риск был оправдан. Без серьезного средства увещевания Цент чувствовал себя некомфортно.

Подходящую палку пришлось искать довольно долго, а когда та была найдена, потребовалось приложить немало сил, чтобы отломить ее от дерева. С добычей Цент вернулся на дорогу, вытащил из ящика с инструментами небольшой нож и приступил к делу. На все вопросы касательно его загадочных манипуляций он или отмалчивался, или предлагал и остальным найти себе какое-нибудь полезное занятие, так что в итоге все от него отстали. А когда Владик подошел и предложил свою помощь, Цент неожиданно принял ее.

– Стой здесь и не шевелись, – сказал он программисту. – Когда закончу, нужно будет на ком-нибудь испытать убойность изделия.

Владик испугался и спрятался от жуткого уголовника в своей машине.

За увлекательной работой время пролетело незаметно. К тому моменту, когда Цент завершил акт творения, уже перевалило за полдень. Тупой неудобный ножик наградил его двумя мозолям на ладонях, но и жертвы и усилия того стоили. Теперь в руках у Цента было привычное оружие, самодельная бита, немного корявая, короче и тяжелее магазинной, но все же лучшего средства для борьбы с зомби трудно было себе представить.

Теперь, когда труд был завершён, Цент вдруг понял, что он зверски голоден. Фактически, сегодня кроме пива да утреннего кофе в логове программистов, он не имел во рту маковой росинки. Пенного напитка было море, но он не утолял голод, а напротив, разжигал его еще больше. Цент возмечтал о котлетах, хотя бы о тех с одного бока сырых, с другого края подгорелых, внутри пересолённых, снаружи пресных, которые готовила криворукая кухарка Анфиса.

– Я голоден! – заявил Цент, пристально глядя при этом на Владика.

У программиста подломились ноги – дело запахло каннибализмом.

– Любимый, долго нам еще тут сидеть? – заныла Анфиса. – Я устала.

– Устала? – возмутился Цент. – Да ведь ты ничего не делала!

– Ну, просто скучно.

– Накрасься.

– Уже.

– Ну, еще раз покрасься.

– Я все еще не могу в это поверить, – бормотал Владик. – Этого не может быть. Это какой-то сон.

– Если сон, то не мой, – быстро открестился Цент. – Мне лохи не снятся.

– Должно же этому всему быть какое-то разумное объяснение, – прорыдал программист. – Зомби не бывает на самом деле. Только в кино. Или все-таки сон? Кто-нибудь, ущипните меня.

Когда окружающие люди просили причинить им боль, Цент никогда не мог отказать. Подошел, и так ущипнул Владика за шею, что программист ракетой взвился в плотные слои атмосферы, огласив в окрестности диким воплем.

– Что еще с тобой сделать? – поинтересовался Цент, готовый воплотить все членовредительские фантазии Владика в жизнь. – Ударить? Толкнуть? Руку сломать? А как насчет болевого захвата?

От приятного времяпрепровождения Цента и остальных отвлекла Анфиса.

– Смотрите! – вдруг закричала она. – Они идут!

Подруга оказалась права. Пока четверка людей ожидала спасения, зомби не сидели без дела. Привлеченные ароматом свежей плоти, мертвецы первомайской демонстрацией двинулись по дороге навстречу еде. Шли двумя торжественными колоннами, одна из деревни, вторая с места аварии. Поскольку выжившие располагались примерно посередине, то обе делегации ходячих покойников достигли точки их дислокации одновременно.

– С той стороны тоже! – взвыл Владик.

Цент стиснул зубы, кляня непостоянную фортуна. Еще утром она была благосклонна к нему, щедро одарила бесплатным пивом, а теперь готова отнять все – и пиво, и тачку, и,

возможно, даже саму жизнь. Могла бы вместо этого отнять Владика, Маринку и Анфису, ну и еще всех соседей из его подъезда, Центу они поголовно не нравились. Так нет же, норовит лишить самого дорогого.

Зомби было много. Со стороны аварии двигалась плотная, жутко рычащая толпа голов в пятьдесят, в то время как с противоположной стороны надвигалась целая армия – похоже, все население деревни в полном составе, и стар и млад. Имелся шанс пробиться методом тарана сквозь первую толпу, но в этом не было смысла, ведь дальше дорога перекрыта. Ну а о том, чтобы прорваться сквозь войско деревенских зомби не было и речи. Вот если бы вместо легковушек в их распоряжении был грузовик, а еще лучше трактор, тогда да. В идеале, конечно, тут лучше всего подошел бы танк с полным боекомплектом и толковым экипажем.

– Любимый, что нам делать? – заныла Анфиса, тормоша Цента за руку. Маринка трусливо икала, Владик был в шаге от паники.

Цент знал, что надо делать. Надо было бежать. Бросить пиво и бежать.

– Они уже близко! – завизжал Владик. – Я этого не вынесу!

– За мной! – с огромным усилием выдавил из себя Цент, и первым бросился в сторону лесополосы, куда недавно ходил за битой. Анфиса и Маринка ковыляли следом на своих кривых ногах. Обе были на каблуках, те охотно утопали в грунте, отчего обе бабы двигались смешно и не слишком быстро. Владик не был на каблуках, но едва добежав до лесополосы, то есть всего через пятьдесят метров после начала марафона, он полностью выдохся и едва не падал на грунт от усталости. Зомби, заметив, что добыча убегает, издали дружный вой и ускорили шаг. Их замогильный глас лишил Владика воли к победе, и он попытался упасть в обморок. Но на этот раз даже любимая Мариночка не бросилась хлопать по щекам и выпрашивать, где болит. Невеста, вместе с Анфисой и Центом, не сбавлял шага, бодро вломилась в заросли.

– Помогите! – в отчаянии закричал Владик.

Никто даже не обернулся.

За лесополосой начиналось бескрайнее русское поле, упирающееся в горизонт. Бежать стало трудно, но Цент не останавливался, и прикрикивал на баб, грозясь отдать оставших на корм зомби. Первой разуться догадалась Маринка, и босиком поскакала гораздо бодрее, как гнедая кобыла. Анфиса так и не догадалась бы, ибо тупая, если бы подруга не дала дельный совет. О Владике уже все забыли, даже его невеста. Цент тоже забыл, но кое-что не давало ему покоя. На фоне происходящего бардака его почему-то переполняла странная радость, так что хотелось смеяться и махать руками. Причина ей отыскалась не сразу. Лишь когда Цент вспомнил, что Владика больше нет, он понял, почему его так распирает от счастья.

Они успели отбежать от лесополосы метров на сто, когда по всей округе раскатился зловещий вой мертвецов. Вслед за ним раздался пронзительный визг, и из зарослей пулей вылетел Владик. Цент оглянулся и помрачнел. Программист будто нарочно выжил, дабы испортить настроение крутому перцу.

Владик летел стелой, не глядя под ноги, из-за чего восемь раз оступался и падал на землю. Меж тем вся лесополоса загудела и зашевелилась, а затем из нее повалили зомби. Их было так много, что Цент сам едва не рухнул носом в грунт. Из зарослей в поле выплескивалось целое море протухших субъектов. Зомби двигались быстрым шагом, и на короткой дистанции убежать от них не составляло труда, но зато им не была свойственна усталость, и на своей крейсерской скорости они могли двигаться сутки напролет. А вот живым людям требовался отдых. На основании всего этого Цент понял, что необходимо отыскать какое-нибудь убежище, потому что бегать от мертвецов вечно было невозможно, да и лениво.

– За мной, бабы! – крикнул он, взбадривая Анфису и Маринку. – Поднажмем!

– Подождите! – задыхаясь, прохрипел программист.

– Крутые перцы лохов не ждут, – опечалил его Цент.

Владик рыдал от отчаяния, силы стремительно покидали его. То есть, силы как таковые уже давно покинули, ибо их и было с гулькин нос, так что в качестве топлива организм расходовал один только страх. Владик держался на одной воле к жизни. Стоило ему оглянуться, и увидеть за собой черную лавину мертвецов, как ноги, уже готовые подломиться, вновь обрели твердость и стремительность. Но Владик понимал, что на страхе он долго не протянет. И тогда зомби доберутся до него, начнут рвать зубами его плоть, разгрызать кости, пожирать внутренности. И никто не спасет, никто не протянет руку помощи. Марина, его невеста, отвернулась от него, Анфиса и не поворачивалась, а у Цента руки заточены под что угодно, но точно не под помощь.

Поле казалось бесконечным, в отличие от сил. Вскоре даже Цент начал хрипеть и задыхаться, бабы уже не бежали, а просто быстро шли, подволакивая кривые ноги. Зато Владик неприятно удивил – продолжал плестись в хвосте, хотя вполне мог бы упасть без сил и пойти на корм живым мертвецам. Дистанция между зомби и их добычей существенно увеличилась, но проклятые покойники и не думали прекращать преследование. Оглядываясь, Цент прекрасно видел их толпу и слышал коллективный загробный стон.

Проклиная родные просторы, Цент поднял затуманенный усталостью взгляд, и не поверил очам своим – впереди замаячило нечто, однозначно означающее край поля. Кажется, это была какая-то постройка, но расстояние все еще было слишком велико, чтобы установить наверняка.

– Я больше не могу! – прорыдала Маринка.

– И я тоже! – напомнил о себе предсмертный Владик.

– Можете остаться, прикрыть отступление, – предложил им Цент. После этого все жалобы на отсутствие сил резко прекратились, даже Владик прикусил язык. Побоялся, что Цент, в самом деле, бросит его на растерзание зомби, чтобы выиграть для себя время, а для верности сломает ногу или обе. Справедливости ради нужно сказать, что подобная мысль уже приходила на ум рэкетире, но он счел ее непродуктивной – едва ли вся орда мертвецов задержится из-за одного худосочного программиста, в котором и еды-то, считай, нет, одни мослы да шкура.

Но напрасно Цент лелеял надежду на то, что Владик падет без сил и будет съеден заживо. Программист не сошел с дистанции. Плакал, стонал, хрипел, но бежал. Это было неприятно, но Цент утешил себя тем, что у него наверняка еще будет возможность избавиться от Вадика, не сегодня так завтра.

Здание, которое Цент разглядел на горизонте, оказалось автозаправочной станцией. Людей вокруг не было, ни живых, ни мертвых, машин, которыми можно было бы воспользоваться, тоже. Цент подбежал к дверям и рванул их на себя, больше всего боясь, что те окажутся заперты. Разбить стекло не проблема, но в образовавшуюся дыру смогут пролезть не только они сами, но и алчущие плоти зомби. Удача сопутствовала – дверь открылась подозрительно гостеприимно. Цент ввалился внутрь, следом за ним забежали потные бабы. Как только подружки оказались внутри, Цент стащил куртку и начал связывать ею ручки дверей.

– А как же Владик? – напомнила Маринка.

– Мои соболезнования, – посочувствовал будущей вдове Цент сквозь рвущийся наружу радостный смех. Все сложилось удачнее, чем он предполагал. Теперь Владика не только потребят заживо, но и сделают это на его глазах. Связав ручки, Цент бросился искать что-нибудь прочнее, вроде троса или проволоки, Анфиса и Маринка талантливо путались под ногами и даже не пытались помочь в нелегком деле коллективного выживания.

– Эй, курицы, тащите вон тот стол к дверям! – скомандовал Цент.

Бабы приятно удивили, и вместо того чтобы засыпать тупыми вопросами на тему «зачем» и «почему», поспешили исполнить поручение. В это время Центу повезло, среди товарного изобилия он обнаружил на витрине ремень безопасности. Им-то он и связал ручки дверей, уже основательно, так, чтобы никакая сила не смогла распахнуть их.

Цент довязывал восьмой по счету узел, когда снаружи в стеклянную дверь на всем ходу врезался Владик. Последняя сотня метров далась программисту тяжело, вытянув из него все силы до капли. Глаза Владика были большими и круглыми, в них застыла гаснущая надежда на то, что его все же впустят внутрь.

– Владик, слишком поздно, – печально покачал головой Цент. – Я уже заблокировал двери.

– Впустите! – выл Владик, барабанил по толстому стеклу своими хилыми кулачками.

Цент помог бабам придвинуть к дверям стол, после чего стремглав бросился к прилавку с разной снедью, в основном с сухариками и чипсами. Цент обожал кушать, когда смотрел интересное кино или как кого-нибудь едят заживо. К чипсам не помешало бы пиво, но преступный закон времен порядка запрещал торговать священным напитком на заправках. Вместо этого пришлось утолять жажду минералкой.

– Впустите меня! – продолжал молить программист, и Цент уже начал опасаться, что страх подвигнет убогого на отчаянный шаг, к примеру – разбить витрину камнем. Но нет, этого не произошло. Похоже, ужас был столь велик, что затуманил Владика разум.

Зомби уже вбегали на территорию заправки огромной страшной толпой, лязгая зубами и протягивая к добыче руки. Владик издал вопль ужаса и отчаяния, и пулей бросился к одной из опор, подпирающих обширный козырек. Зомби, увидев его, радостно зарычали.

Заведомо проигрышная борьба программиста за свою никчемную жизнь так захватила Цента, что он не заметил, как умял весь пакет чипсов. Пришлось отправить Анфису за добавкой, поскольку сам он буквально не мог оторвать взгляда от восхитительного зрелища – очкарик проживал свои последние секунды.

Владик лез на опору, рыдая и крича от ужаса. На первый взгляд опора казалась абсолютно гладкой, но программист все же сумел отыскать, за что ухватиться трясущимися руками. Фактически, он висел на двух пальцах и кончике подошвы в трех метрах над землей, а под ним бушевало море живых мертвецов, тянущих к добыче скрюченные пальцы. Зомби в предвкушении класали зубами, да так громко, что вздрагивал даже бесстрашный Цент, рычали, выли. Таким популярным Владик еще никогда не был. Несчастный программист едва держался на этом свете, сердце неистово билось о ребра, слабосильные пальцы готовы были разжаться и уронить своего хозяина прямо в лапы плотоядной нечисти. Затуманенный ужасом взгляд программиста видел возможность для подъема, кое-где выше можно было ухватиться, но это было слишком рискованно. Попытка взобраться на козырек обернется, скорее всего, гибелью, но и оставаться на месте нельзя – сил на то, чтобы держаться, уже не осталось. Владик рыдал в голос, но это не помогало. Его горькие завывания тонули в хоровом рычании мертвецов.

Цент распечатал вторую пачку и забросил в рот целую пригоршню чипсов с беконом. Момент полного и абсолютного счастья был близок как никогда. Владика уже трясло от напряжения, он вот-вот рухнет прямо в объятия зомби, и те начнут грызть его зубами, рвать на части, доберутся до потрохов и славно ими полакомятся.

– Не сдавайся, любимый! Ты сможешь! – умоляла Маринка, держащая за Владика кулачки.

– Ты за кого болеешь? – возмутился Цент.

– Он ведь мой жених, – немного виновато напомнила Маринка.

– Это не оправдание! – отрезал Цент, и приказал бабам болеть за зомби.

Все шло к тому, что свадьбе между бывшей проституткой и действующим программистом не бывать по гастрономическим причинам, но тут, в который раз, фортуна явила Центу свое непостоянство. Когда, казалось, Владиком вот-вот отобедают, у программиста открылось седьмое дыхание, поскольку предыдущие шесть он израсходовал, пока бежал через поле. Владик вдруг страстно восхотел жить, настолько страстно, что презрел опасность и стал неуклюже

карабкаться вверх по опоре. Зомби возмущенно зашумели, Цент в ярости отшвырнул пакет с чипсами и закричал:

– Да что же это такое? Падай! Падай!

Пару раз Владик едва не сорвался, и у Цента всякий раз чуть сердце не останавливалось от радости, а после, когда приходило осознание, что программист все еще висит на опоре, от горя. Он был близок к тому, чтобы выскочить наружу и лично стрясти программиста на землю, и обязательно сделал бы это, будь там меньше зомби. А когда Владик ухватился за край козырька и начал затаскивать наверх свое хилое тельце, Цент потерял веру в чудо. Он так этого хотел, так на это надеялся, уже даже придумал несколько шуток на тему пошедшего на корм Владика, и все напрасно. Живучий программист разрушил все его мечты, и, конечно же, оставлять такое безнаказанным было нельзя ни в коем случае. И Владик ответит, за все ответит. И за то, что не умер, и еще за многое другое.

– Молодец! – невольно вырвалось у Маринки. Это был комплимент в адрес жениха, сумевшего сохранить свою шкуру. Цент был зол и не привык держать агрессию в своем организме, поэтому тут же выплеснул ее на невесту программист в виде звонкой затрешины с оттяжкой.

Не успел Цент смириться с трагически несостоявшейся утратой, как над головой загрохотали шаги, а спустя мгновение сверху донесся приглушенный голос Владика. Программист перебрался с козырька на крышу, и теперь разгуливал там, ища способ попасть внутрь. От одной мысли, что Владик залезет сюда, будет дышать тут воздухом, кушать чипсы, пить воду и вообще раздражать своим присутствием, у Цента в зобу дыханье сперло. Он сразу решил, что программистам здесь не место.

– Надо помочь ему попасть внутрь, – тут же заявила Маринка, поглаживая отбитый затылок. Только что состоявшаяся воспитательная процедура ничему ее не научила.

– Я думаю, Владика лучше снаружи, – высказал свое мнение Цент.

– Как ты можешь такое говорить? – ужаснулась Маринка.

– Хочешь составить ему компанию?

– Нет. Но Владик один из нас, мы же не можем его бросить....

– Никакой он не один из нас! – взорвался Цент. – Он лох, а я крутой перец, и никакого отношения к нему не имею. А тот, кто думает иначе, пойдет наружу. Вон туда....

Цент указал, куда именно, и ахнул. Зомби стеной стояли напротив витрины и пожирали его глазами. Вот один из них поднял руку, протянул вперед и уперся в стекло. Раздраженно рыкнул, и вдруг довольно сильно ударил по преграде кулаком. Стекло зазудело, бабы взвизгнули, Цент попятился, нащупывая рукой самодельную битку. Сам понимал, что если зомби прорвутся, то палка его не спасет, но встречать опасность с голыми руками было еще страшнее.

Уже несколько мертвецов колотили руками по стеклу, до остальных пока не дошло, как именно можно добраться до скрывшейся в помещении еды. Но дойдет. Очень скоро.

– Возьмите пакеты, соберите еду и воду, – приказал Цент бабам. – Я поищу другой выход.

Искать не пришлось долго. Другой выход был и его никто не прятал. Цент безнадежно толкнул запертую на три замка массивную железную дверь, способную задать работку любому тарану, и понял, что автозаправочная станция станет его могилой. Возможно, ключ от двери и находился где-то здесь, но на поиски уже не было времени. Зомби молотили руками по стеклам, грохот стоял страшный. Спасало только то, что тупые мертвецы не догадались воспользоваться камнем, но у них и так неплохо получалось. По одному стеклу уже пошла трещина, зомби, словно чуя скорую трапезу, усилили натиск. Цент поднял дубину, намереваясь умереть как герой – с оружием в руках. Очень хотелось проломить череп хоть одному, прежде чем его товарищи доберутся до вкусного тела крутого перца.

– Любимый, что нам делать? – завопила Анфиса.

– Отстань! – рявкнул на нее Цент. – Не порть своим голосом последние мгновения жизни.

Цент был настроен на последнюю в своей карьере битву, собран, сосредоточен, готов на все, а потому, когда за его спиной возник какой-то шум, рэкетир, не раздумывая, резко развернулся, и обрушил битую на зашедшего с тыла агрессора. В последнее мгновение успел заметить, что это не зомби, а всего лишь Владик, и время на то, чтобы отвести удар в сторону, было, но Цент не стал лишать себя такого удовольствия. И без того сделал программисту огромную скидку по бонусной карте, отоварив не по голове, а по плечу.

Сокрушенный Владик рухнул на пол, крича как потерпевший. Маринка бросилась к нему, Цент оттолкнул глупую бабу и потребовал от Владика отчета:

– Как внутрь пролез?

– Там лестница, – гримасничая от боли, ответил травмированный Владик. – А на крыше люк. Я его едва открыл, так тяжело было...

Из программиста опять потекла жалобная книга, но Цента не интересовали сетования лоха на жизненные трудности. Все, что надо, он уже услышал. Есть лестница, есть люк, который ведет на крышу. Значит, последний бой откладывается. Подхватив пакеты с чипсами и минералкой, Цент со всех ног бросился к лестнице. Программист не соврал, та действительно была и вела на крышу. Цент уже начал восхождение, когда до его ушей долетел страшный треск и звон. Гадать об источнике шума долго не пришлось – это стекло не выдержало натиска зомби.

Цент оказался на крыше первым, за ним лестницу покорила Анфиса, а за ней Маринка. Владик и рад бы был не проявлять рыцарства, пропуская дам вперед, но ему не предоставили выбора – Анфиса, ломаясь к спасению, так толкнула программиста с пути, что тот едва не убился об стену. Не успел он прейти в себя и продолжить спасать драгоценную жизнь, как пробежавшая мимо Маринка лягнула его копытом в зад, и Владик вновь растянулся на полу, прекрасно слыша приближающихся зомби.

– Ну, все? – уточнил Цент, помогая Маринке вылезти из люка. – Я закрываю?

– Нет! – завопил снизу Владик, неуклюже карабкаясь по лестнице.

– Все так все, – вздохнул Цент, начиная закрывать люк.

Снизу уже набегали зомби, сверху обосновались бесчувственные изверги, глубоко чуждые таких понятий как доброта и взаимопомощь. Владик из последних сил рывком бросился вверх по лестнице, и каким-то чудом успел выскочить на крышу прежде, чем Цент захлопнул тяжелый люк и заблокировал его своей битой. Не прошло и пары секунд, как снизу постучали. Зомби царапали ногтями металлическую поверхность люка, били в нее кулаками, толкали, но это преграда была им не зубам. К тому же тут они были лишены возможности навалиться всей гурьбой, так что бояться прорыва обороны не стоило.

Цент подошел к краю крыши и обозрел масштаб несчастья. Тот внушал. Даже не верилось, что в глубинке проживает так много народа. Вся территория вокруг заправки кишела живыми мертвецами, часть из них проникла внутрь и теперь топталась там, в поисках свежего мяса. Никакой возможности для побега не было, Цент, во всяком случае, ее не видел. Но при всем кажущемся трагизме положения Цент не забыл и о плюсах. Во-первых, его все-таки пока не съели. Во-вторых, он запасся едой и водой, что хорошо. В-третьих, если сбросить вниз Владика, будет гораздо лучше видно, как зомби станут рвать его на куски.

За своей спиной Цент расслышал зловещее шипение, и подумал о самом худшем – о гигантском ядовитом змее, что явился вслед за зомби из мира кошмаров, дабы усилить масштаб апокалипсиса своим непосредственным участием в мероприятии. Но реальность оказалась еще страшнее. Выяснилось, что шипение издала бутылка с минералкой, которую откупорил программист и теперь подносил ее к своему рту, дабы утолить жажду. Уж такого хамства рэкетир никак не ожидал даже от программиста. Покуситься на съестные припасы в то время, когда рядом находится их законный хозяин и единственный возможный потребитель, мог только низкий и подлый человек. Ну а с таким типом и церемониться нечего. Цент и не стал.

Подскочил к Владиду, вырвал у него из рук бутылку, а самого оттолкнул с такой силой, что бедняга растянулся на гудроне.

– Я просто хотел попить, – поторопился объясниться Владик, решивший, что Цент неправильно его понял.

– А кто тебе разрешал? – строго спросил у него изверг из девяностых.

– Разрешал? – опешил Владик. – Но я думал, что вода общая....

– Коммунизм давно отменили, теперь у нас частная собственность, – сообщил Цент, вводя программиста в курс последних новостей. – А чужую собственность надо уважать. Вода моя. И еда моя. Кто к припасам руку протянет, того сброшу с крыши, потому что крыша тоже моя.

Объяснив всем условия совместного проживания на крыше и возможные последствия их нарушения, Цент решил привести себя в порядок. Это, в частности, касалось ног. От кроссовок осталось одно название, носки стерлись до одной сплошной дыры. Все ступни были изранены и покрыты слоем грязи. Пока бежал через поле от зомби на это внимания не обращал, но теперь самое время. Цент тщательно промыл ступни, израсходовав на это одну из трех бутылок минералки. Владик взирал на процедуру такими глазами, что хотелось выбросить программиста вниз прямо сейчас, не дожидаясь более существенного повода. Цент, разумеется, понимал, что после пробежки Владик умирает от жажды так, что готов слизывать минералку с гудрона, даже после ее контакта с чужими ногами, но тот, кто имел глупость заботиться о нуждах других, не достиг успеха в девяностые. Говоря проще, Центу было плевать на жажду Владика, голод Владика и просто на Владика.

– Очкарик, снимай куртку! – потребовал он, когда помыл ноги.

– Зачем? – испугался Владик.

– Так, еще одно правило, – озвучил Цент. – Тот, кто не выполнит любой мой приказ мгновенно, а вместо этого начнет задавать тупые вопросы, будет сброшен с крыши. Всем ясно?

– Да, – хором ответили Анфиса и Маринка.

– А тебе, айтишник?

– Да! – выпалил Владик, протягивая Центу свою новую курточку.

Полученный предмет одежды Цент безжалостно разорвал на два приблизительно равных куска, после чего обмотал ими свои многострадальные ступни. Это было лучше, чем ничего. Не будь у Владика размер ноги как у золушки, он бы позаимствовал у очкарика ботинки, но пришлось довольствоваться тем, что есть.

Затем Цент организовал кормление себя и коллектива. Сунувшись в пакеты, бывший рэкетир испытал желание убить всех и больно. Сбором продовольствия занималась Анфиса, и подруга, как всегда, без всякого злого, а равно доброго умысла умудрилась подложить изрядную свинью – набрала сухариков со вкусом томата, которые Цент терпеть не мог. Ни одной упаковки с вкусными чипсами со вкусом бекона не было, и только на самом дне пакета обнаружили две пачки сухариков со вкусом хрена и чеснока. Не бекон, но хоть что-то, а иначе хоть голодай.

Поскольку нельзя было даже приблизительно спрогнозировать то время, что им придется провести на крыше, Цент сразу ввел жесткое ограничение по довольствию на чужую душу населения. Анфисе и Маринке досталось по пять сухариков (Цент долго выбирал самые маленькие и подгорелые) и по две пробки минералки. На лицах подруг Цент прочел недовольство, но бабам хватило ума держать языки за зубами. А когда за своей порцией полез Владик, то напоролся на взгляд, неприступностью не уступающий Брестской крепости.

– Ты пропускаешь, – сообщил Цент, разрывая пакет с сухариками со вкусом чеснока и хрена, и щедрыми горстями переправляя калории в свой рот.

– Почему? – всхлипнул Владик.

– Нужно экономить еду. Кто знает, сколько нам тут сидеть?

С этими словами Цент добил первую пачку сухариков, надолго припал к бутылке с минералкой, и принялся за вторую.

– Мне бы чуть-чуть воды, – взмолился Владик, наводняя очи слезами.

– Не могу, – мотнул головой Цент. – Рад бы, но не могу. Сам должен понимать – выживание, это не шутка.

– Мне бы всего один глоток.

– Один, говоришь?

– Да, да. Всего один.

– Пожалуй, лучше не стоит. Что ты будешь одним глотком аппетит раздраживать?

– Я так сильно хочу пить!

– Понимаю. Всем тяжело. На то он и зомби-апокалипсис.

Дожрав вторую пачку сухарей, Цент немного подумал, и принялся за третью. Владик, осознавший, что изверг не издевается, и действительно ничего ему не даст, отошел в сторонку и сел на гудрон. Анфиса и Маринка, быстро проглотив свои более чем скудные порции, топтались на краю крыши и любовались на зомби. Выпрашивать у Цента добавки они даже не пытались – обе хорошо знали своего бывшего сутенера, и понимали всю бесполезность и даже опасность данной процедуры.

Набив брюхо сухарями так, что даже стало нехорошо, и основательно запив соленое лакомство минералкой, Цент растянулся на гудроне, заложив руки за голову, прикрыл глаза, и полностью отдался наслаждению жизнью в условиях апокалипсиса. Не прошло и десяти минут, как его неподвижность и мерное дыхание были приняты Владиком за крепкий здоровый сон. Программист, доведенный последними событиями и немотивированной жестокостью Цента до отчаяния, решился на крайне рискованный шаг – он возжелал совершить хищение продуктов. Многого Владик не требовалось. Он не претендовал на сухарики, да и не любил их никогда. Все, чего хотел Владик, это сделать пару крошечных глотков из бутылки с минералкой, потому что во рту и горле после недавней пробежки воцарилась невыносимая сухость.

Заметив, что он подкрадывается к Центу с явно преступными намерениями, Анфиса и Маринка стали делать ему страшные знаки руками и корчить повергающие в трепет гримасы, ясно давая понять, что затея неудачная, и лучше бы ему одуматься пока не стало поздно. Владик не внял совету. Его вдруг, до глубины души, возмутил тот факт, что какой-то недобитый уголовник из девяностых, чье время давно миновало, на правах силы устанавливает свои варварские законы и заставляет всех следовать им. Владик почувствовал, что в его душе поднимается волна благородного протеста против несправедливости и деспотии. Кто-то должен сказать Центу о том, какая тот огромная свинья, ведь он, похоже, сам об этом не догадывается. Пора поставить изверга на место, пора объяснить ему, что в цивилизованном обществе, живущем по священным заветам демократии, гуманизма и толерантности, подобное поведение считается просто недопустимым. Ведь он, Владик, тоже человек, тоже личность, и имеет столько же прав, сколько и эта наглая скотина, присвоившая себе весь запас пищи и воды. К тому же, в тайне, Владик считал себя выше Цента в плане духовного и интеллектуального развития, да и богатый внутренний мир тоже кое-чего стоил. А то, что Цент тупо сильнее физически, вовсе не дает ему право командовать всеми и издеваться над яркими представителями интеллигенции. Может быть, подобные порядки были заведены в лихие девяностые, но те кошмарные времена, которые сам Владик помнил смутно, давно канули в прошлое. Сейчас другое время, и ныне на любого Цента, вздумавшего жить по-старому, быстро найдется управа.

Весь охваченный духом борьбы за свои права, Владик протянул руку к бутылке с минералкой, но случайно брошенный на лицо Цента взгляд заставил сердце программиста остановиться – изверг не спал, и смотрел прямо на него.

Следующие десять минут Владик потратил на то, чтобы вымолить прощение. Цент не произнес ни слова, даже бровью не повел, но Владик чувствовал – в эти минуты решается

его судьба. Он клялся, что больше так не будет, уверял, что его попутал бес, подпускал элементы самокритики, напирая на то, что является слабохарактерным, даже перечислил какие-то диагнозы, могущие послужить смягчающими обстоятельствами. Цент с интересом слушал, затем, когда Владик иссяк, медленно поднялся на ноги, подошел к побледневшему от страха программисту и прописал ему кулаком по почкам. Владик, хрипя от боли, повалился на гудрон, Цент, наступив ногой на его тело, произнес:

– В честь первого дня зомби-апокалипсиса я тебя убивать не буду... пока что. Но запомни, очкарик – еще один малейший повод, и я перестану быть добрым. Кстати, это касается всех. И не думайте, что вас защитит закон или дяденьки в форме. Эпоха омерзительного порядка закончилась. Настали времена свободной борьбы за выживание, когда прав тот, у кого больше кулаки и крепче дубина.

Владик обреченно всхлипнул, Цент, склоняясь над ним, замогильным голосом произнес:

– Пока живи, очкарик. Живи, но бойся.

Глава 4

Остаток дня прошел без каких-либо происшествий. Зомби все так же топтались внизу, и расходиться не думали. Цент не знал, ориентируются мертвецы на слух или запах, но факт того, что они как-то чуяли своих жертв и не собирались отступать, был очевиден.

Надежда на армию или иные силы, способные дать организованный отпор зомби, не оправдалась. За весь день Цент не услышал ни рева мотора, ни гула самолета. Небо было чистым и безжизненным, земля мало от него отличалась. Мысль о том, что зомби-апокалипсис произошел не только в данном конкретном регионе, но и по всей стране, или даже по всему миру, рождала некоторое беспокойство. Цент умел выживать в мире, где каждый сам за себя, а главный аргумент в споре это пистолет, но чертовы зомби загнали его в ловушку фактически с голыми руками, да еще в такой замечательной компании.

Осмотр окрестностей ничего не дал. Дорога, к которой примыкала заправка, была пуста, очень далеко, почти на горизонте, маячило нечто, могущее быть неким автотранспортным средством, но добраться туда было невозможно из-за зомби-осады. Цент строил разные хитрые планы прорыва, в которых главная роль, роль отвлекающего маневра, принудительно жертвующего собой ради спасения остальных, отводилась Владу, но все они были далеки от совершенства. Шанс вырваться был только один, да и Владик один – два раза скормить его мертвецам не получится. Возможно, они и один раз очкарика жрать не станут, побрезгуют.

День сменился вечером, солнце закатилось за горизонт, и температура заметно упала. Орудуя ножом, который, слава богу, догадался сунуть в карман, когда работал над битой, Цент оторвал лист гудрона, завернулся в него, как в одеяло, и почувствовал себя дураком, упакованным в гидроизоляция. Остальным, впрочем, приходилось хуже. Цент, разумеется, и не подумал вырезать для них одеяла, а ножа никому не дал. В итоге Анфиса, Маринка и Владик сбились в кучу, чтобы хоть так сохранить остатки тепла, а Цент изволил почивать в компании скудных остатков провизии. Перед сном он пообещал убить любого, кто попытается украсть сухари или минералку, а Владу дал персональное задание – не спать до рассвета и караулить. За сон на посту посулил муки адские. Владик не усомнился в том, что изверг сможет их организовать, ибо Цент уже успел продемонстрировать ему и ярко выраженные садистские наклонности и страстное желание потакать им.

Согревшись в объятиях гудрона, Цент вскоре уснул. Ему приснилось, что вернулись лихие девяностые, и он снова крутой перец, занятый разводом лохов на бабки и доением жадных коммерсантов. Сон был волшебный, не хотелось просыпаться. Оборвать такой сон раньше срока мог лишь конченный мазохист, совершенно не ценящий собственную жизнь. Поэтому, когда Цента разбудил истошный крик Владика, он даже не удивился. Кто же еще, если не этот айтишник?

Цент распахнул глаза, видя над собой начавшее светлеть небо. Не успел он порадоваться, что дожид до утра и что на его сухари никто не покусился во мраке ночном, как вопль программиста вновь резанул по ушам.

– Что же ты так жить-то не хочешь? – проворчал Цент, выбираясь из-под гудрона. – Вот я тебя сейчас....

Тут пред очами Цента предстала такая картина, что он временно забыл о желании совершить над Владиком бесконечный ряд насильственных действий.

Бывший рэкетир всегда догадывался о том, что Маринка имеет непосредственное отношение к силам зла, только доказать этого не мог, потому что макака успешно шифровалась. Но вот настал день, когда она показала свое истинное лицо. Это лицо было ужасным: серое, покрытое зеленоватыми трупными пятнами, с налитыми кровью глазами и окровавленной пастью. Этой пастью настоящая Маринка грызла глотку своей подруге. Анфиса раскинулась на гуд-

роне и не шевелилась, из чего Цент заключил, что сожительница отмучилась. По этому поводу Цент испытал небольшую радость, и очень удивился – ему казалось, что радости должно быть гораздо больше. Затем он перевел взгляд на Владика, который топтался на самом краю крыши и продолжал визжать как тупая девочка, и решил так: если Маринка, подзакусив своей лучшей подругой, следующим блюдом изберет жениха, то вмешиваться в семейные разборки не стоит. Но озверевшая макака могла броситься и на него, а вот это уже будет нехорошо. Из оружия наличествовал только нож, самодельная бита была недосыгаема, и к тому же она фиксировала люк, препятствуя проникновению зомби на крышу.

– Господи! Сделай что-нибудь! – закричал Владик срывающимся голосом.

– Владик вкусный, Владик сочный, – начал нахваливать Цент. – Любому зомби понравится.

– Нет! – завопил программист. – Перестань!

Прекратив жрать подругу, Маринка, а точнее то, во что она превратилась по непонятным причинам, подняла голову и уставилась мертвыми глазами на новую жертву. Увы, но выбор ее пал не на тощего Владика, а на вполне себе упитанного и мясистого Цента.

– Даже не думай, – предупредил бывший рэкетир.

Маринка зарычала и пошла на него, вытянув вперед свои руки, бывшие по локоть в крови в самом прямом смысле. Цент вначале струхнул, но тут же совладал с собой. Он много раз успешно бил Маринку при жизни, сделать это после ее смерти будет ничуть не сложнее. К тому же ему так давно хотелось врезать этой макаке.

Первые восемь ударов Маринка выдержала неплохо. Цент бил ногами, целился в живот или в грудь, и каждый раз тело невесты программиста отлетало метров на пять, но тут же вставало и продолжало свой путь к еде. Владик продолжал визжать, на штанах программиста спереди расплылось огромное мокрое пятно недвусмысленного происхождения. Цент готов был биться об заклад, что сзади штаны очкарика отвисают под грузом отваги. Типичная реакция лоха на экстремальную ситуацию: обделаться, закатить истерику, и ждать, когда кто-нибудь другой придет и спасет его жалкую шкуру. Крутой перец не таков. Тот рассчитывает только на себя и свои силы, а сил у крутого перца много, поскольку на работу он их не тратит, ибо труд – удел лохов, а бережет для таких вот случаев.

Поняв, что удары по корпусу не приносят положительного результата, Цент решил сменить тактику. Логика подсказывала, что если переломать Маринке кости ног, ходить она уже не сможет, а если переломать руки, то перестанет тянуть их к телу крутого перца.

Когда под ударами Цента хрустнули кости бывшей невесты, из Владика ниагарским водопадом хлынул поток рвоты. Программисту стало дурно, он зашатался, балансируя на самом краю крыши, снизу радостно рычали зомби, готовые нежно поймать добычу на руки и обглодать до косточек. У Цента возникло неодолимое желание подбежать и слегка толкнуть Владика в нужном направлении, в объятия верной гибели. И тогда сегодняшний деть стал бы лучшим за последние годы. Шутка ли – в один момент лишиться Анфисы, Маринки и Владика. А если еще удастся благополучно забрать и доставить в гараж оставшееся на трассе пиво, то это, пожалуй, будет самый удачный день вообще всей жизни.

Расчет оказался верен – с переломанными ногами ходить Маринка уже не могла. А когда Цент переломал ей и руки, то макака лишилась возможности ползать. Просто лежала на гудроне, вращала кровавыми глазищами и клацала зубами. Владик, едва пришедший в себя, глянул на свою невесту, и его опять начало рвать.

– Всю крышу заблевал, свинья! – возмутился Цент. – Нам тут еще неизвестно сколько сидеть. Вон, свесься хоть за край.

– У меня голова от высоты кружится, я могу упасть, – прогавкал Владик, тяжело оседая на поверхность крыши.

– Упасть ты можешь по многим причинам, не только от головокружения. Например, от удара ногой в спину. Ну, что тут произошло, пока я спал? Почему Маринка превратилась в вурдалака?

– Я не знаю, я спал....

– Что? Я ведь сказал тебе не спать и караулить.

– Я караулил, но потом сам не заметил, как задремал.

– Знаешь, что за это бывает в военное время?

– Но ведь сейчас не война.

– Зомби-апокалипсис еще хуже, чем война. Расстрелять бы тебя ногами по ливеру, да некогда. Так, что там с Анфиской?

С Анфиской было нехорошо. Озверевшая Маринка успела славно потрудиться, и почти отделила голову лучшей подруги от тела. Владик как глянул на это, так опять сложился пополам. Цент с величайшим подозрением покосился на Владика – вроде ничего вчера не ел, чем же его выворачивает? Нужно пересчитать пакеты с чипсами, дабы убедиться, что программист не совмещал ночное бдение с хищением чужого продовольствия.

Потерю сожительницы Цент перенес стоически, без слез. Маринка продолжала рычать и клаясь зубами, даже пробовала ползти как гигантский окровавленный червяк. Каждый взгляд на нее оборачивался для Владика тяжелейшей психологической травмой. Даже не верилось, что это чудовище и его невеста одно и то же лицо.

Цент проверил запасы провизии, и с ужасом обнаружил, что в наличии остался всего один пакет с невкусными сухариками со вкусом томата. Уже рванулся убить Владика, но тут вспомнил, что сам несколько раз за ночь просыпался и подкреплял силы. Бить программиста стало не за что, но Цент не отказал себе в этом удовольствии, и все же выдал тому звонкую оплеуху.

Ситуация внизу не изменилась, огромная толпа зомби продолжала загромождать все подступы к заправке. Центу даже показалось, что в мертвецком полку прибыло. Он вновь взглянул вдаль, туда, где еще вчера приметил нечто, похожее на автомобиль. В принципе, если взять хороший старт и не лениться, можно и успеть, благо зомби спринтеры неважные. Но как прорваться сквозь кольцо осады?

Владик горько рыдал, время от времени поглядывая на свою бывшую невесту. Цент подошел к нему, выдал еще одну оплеуху, и сказал:

– Нужно нам уходить.

– Как? Куда? – всполошился программист.

– Туда, где больше еды и меньше этих тварей. У меня из корма одна пачка сухарей, да минералки полбутылки. Анфисой я питаться не хочу, тобой тоже. Смогу, конечно, если прижмет, но доводить до этого не хотелось бы.

Владик попятился от изверга, раздумывая над тем, чтобы прыгнуть к зомби. Потому что Цент был ничем не лучше этих чудовищ, даже, пожалуй, хуже. Вот так просто сказать о том, что готов съесть человека, да не просто человека, а своего знакомого, может только монстр.

– Нужно что-то придумать, – вслух помыслил Цент. – Какой-то отвлекающий маневр. Тебя, конечно, можно скинуть, но вдруг они не все бросятся рвать на куски твою невкусную тушку? Разве что....

Цент задумчиво покосился на труп Анфисы. Это, пожалуй, был вариант. При жизни подруга приносила мало пользы, в основном вредила и бесила своей тупостью, пускай хоть после кончины сослужит добрую службу.

– Сбросим Анфиску, – озвучил свой план Цент, – зомби на нее накинута и начнут кушать. Мы в это время прыгиваем с крыши....

– Что? – ужаснулся Владик. – Тут очень высоко. Мы же ноги переломаем.

– Придется рискнуть, – вздохнул Цент.

– Давай тут посидим. Вдруг скоро придёт помощь.

– Помощь? Какая? Ни одного самолета не пролетело, ни машины не проехало. Без воды мы тут в два дня околеем. Ну, ты чуть раньше. Надо попытаться, пока есть силы.

Владик осторожно подошел к краю крыши и глянул вниз. Голова тут же закружилась, к горлу подступила тошнота. Три метра, а то и больше. Больше. Три с половиной. Насмерть не разобьешься, но перелом гарантирован. А с переломанными ногами от зомби не убежать.

Представив, как десятки челюстей вонзятся в его тело, выгрызая заживо куски мяса, Владик сторяча чуть не попросил Цента даровать ему легкую смерть.

– Я не смогу! – прорыдал он.

– Ну, нет, так нет, – не стал настаивать Цент. – Я тебя неволить не стану. Оставайся, если хочешь, подымай тут от голода и жажды.

– А если ты доберешься до людей, то пришлешь за мной помощь? – спросил программист.

– Не факт, – покачал головой Цент. – Я уже не молод, память плохая. Могу и забыть. Да, точно забуду. Наверняка. Уверен. Ну, что решил?

– Я не знаю.

– Ладно, черт с тобой. Можешь тут оставаться. Только помоги мне Анфиску сбросить. Тяжелая зараза, наела зад пятипудовый.

Цент взял подругу за руки, Владик, едва не падая в обморок от омерзения, за ноги. Когда подняли тело, голова Анфисы свесилась, обнажив чудовищную рану. Владик начал закатывать глаза, Цент рассердился, и предупредил, что если тот не возьмет себя в руки, то сам исполнит роль отвлекающего маневра.

Когда подтащили тело к краю крыши, зомби, словно зачуйав скорую трапезу, оживились и радостно зарычали.

– На счет три, – скомандовал Цент. – Раз, два, три!

Анфиса полетела вниз, прямо на головы мертвецам. Те набросились на тело, не дав ему даже долететь до земли, впилась зубами, стали грызть, толкаться. Желаящие отведать мясца бежали со всей заправки, и в какой-то момент путь к спасению очистился настолько, что уже можно было проскочить. Цент бросился к люку, схватил свою битую, и рванул к краю крыши.

– Бывай, очкарик! – крикнул он, слыша, как за его спиной за скрежетом поднимается крышка люка. Бита больше не фиксировала ее, путь для мертвецов был свободен.

Не успел Цент добежать до края крыши, как был буквально потрясен поступком программиста. С отчаянным воплем очкарик взял и спрыгнул вниз, откуда, спустя секунду, донесся крик боли.

– Вообще дурак! – ужаснулся Цент. Сам он спустился аккуратно, вначале повиснув на руках на краю крыши, и лишь затем спрыгнув. Не успел приземлиться, как тут же подвергся плотоядному домогательству со стороны какой-то толстой наглай бабы, к тому же зомби, хотя эта хавронья и при жизни вряд ли блистала красотой. Мертвую бабу Цент отшил битой по голове, затем лягнул в живот тощего мужика в трико с пузырями на коленях, и приготовился дать стрелача.

– Моя нога! – кричал Владик, корчась на асфальте. – Помогите!

– Ты бы еще щучкой нырнул, тормоз, – ухмыльнулся Цент, даже не пытаясь сдерживать радость. Травмированный Владик не сможет убежать, и будет съеден заживо – какое невероятное удачное стечение обстоятельств!

– Ты ведь не бросишь меня, да? – начал фантазировать айтишник.

– Да ну тебя! – возмутился Цент. – Нужен ты мне, как зайцу ипотека.

Зомби уже обратили на них внимание, и теперь наступали страшной плотоядной массой. Наслаждаясь истошными криками Владика, Цент двумя ударами убрал с дороги двух мертве-

цов и выскочил на трассу. Путь был чист, теперь уж зомби за ним не угнаться. Да и побегут ли? У них ведь теперь столько корма.

Цент мчался по асфальту, радуясь жизни, и с нетерпением ожидал, когда услышит за спиной предсмертные вопли пожираемого заживо очкарика. Те, почему-то, все не звучали. Возникло подозрение, что Владик лишил его такого удовольствия и помер от страха, но стоило Центу обернуться, как он понял – судьба к нему несправедливо жестока.

Программист был жив. Мало того, он сумел воздвигнуть себя на ноги, и теперь, сильно хромя, ковылял по дороге. А за ним, рыча и скаля зубы, надвигалась неминуемая гибель в лице целого войска зомби. Они не бежали, передвигались быстрым шагом, но и Владик, в силу полученной травмы, не мог перейти на полноценный бег. Скорости хищников и их жертвы были примерно равны, теперь оставалось выяснить, кто раньше сойдет с дистанции от усталости. Цент ухмыльнулся, прекрасно зная ответ на этот вопрос. Мертвые не устают, а вот Владик еще как.

– Подожди! – закричал программист, чья физиономия была перекошена гримасой страдания. Цент не знал, насколько сильно травмирован очкарик, и, в общем-то, не хотел знать, но будь там что-то серьезное, вроде перелома, он бы просто не сумел встать на ноги. Скорее всего, это обычный вывих, но какая разница? Все равно Владика сожрут раньше, чем он добежит до автомобиля, а если каким-то чудом очкарик и дотянет до цели, еще не факт, что Цент возьмет его с собой покататься. Далеко не факт.

Вскоре стало ясно, что виденный им с крыши заправки объект действительно автомобиль, небольшой грузовик, припаркованный на обочине. Закрытая дверь и отсутствие ключа зажигания не проблема, Цент в юности промышлял угонами и умел завести автотранспортное средство хоть голыми руками, хуже, если топливный бак пуст. Потому что кроме этой машины вокруг не было ничего, только бескрайние поля и дорога, уходящая за горизонт.

Когда до грузовика оставалось метров сто, Цент еще раз оглянулся. Зомби приотстали, а вот программист опять неприятно удивил – ковылял с той же скоростью, хрипя, рыдая и потея. Цента буквально потрясло то, с каким невероятным упорством очкарик цепляется за свою никчемную жизнь. Как будто в жизни лоха есть что-то хорошее. То ли дело он, крутой перец, конкретный и реальный, ему есть ради чего жить и бороться. По статусу положено. А Владик давно уже должен был пойти на корм зомби, а вот, гляди ты, не хочет, паразит, помирать, и все тут.

Внешне на грузовике не было видно никаких следов агрессивного воздействия, но когда Цент распахнул водительскую дверь, из кабины на него бросился неживой мужик с оскаленной пастью. С кем-то другим эффект неожиданности мог бы сработать, но Цент с детства привык ждать подвоха, удара в спину и прочих подлостей от жизни, а потому был всегда готов ответить на агрессию агрессией. Мощным ударом биты он вынес тухлому дальнобойщику половину зубов, вторым ударом расколол череп. Тварь зашаталась, нелепо размахивая руками, Цент вскинул биту, и ударил сверху прямо по голове. Та лопнула, как арбуз, во все стороны полетели куски просроченного мозга. Тело, пошатнувшись, рухнуло на асфальт и больше не шевелилось.

Цент запрыгнул в кабину и не поверил своим глазам – ключ зажигания был на месте. Повернув его, и услышав трудолюбивое урчание мотора, бывший рэкетир возблагодарил бога за ниспосланное спасение. Но тут распахнулась противоположная дверь, и в теперь уже его грузовик нагло и без спроса полез все еще возмутительно живой Владик.

– Да есть ли на тебя управа? – воскликнул Цент, борясь со страстным желанием вытолкнуть безбилетника наружу.

– Они уже близко! – прохрипел Владик, втаскивая свои мощи в кабину. – Они меня почти схватили.

– Ненавижу это самое почти, – вздохнул Цент.

– Надо ехать! – потребовал программист, захлопнул дверь в кабину. Сделал он это излишне сильно и громко. Если бы он точно так же хлопнул дверью в тачке Цента, то следующий хлопнула бы крышка его гроба.

– Ты еще покомандуй! – возмутился водитель. – Сам решу, ехать или нет. Захочу – поедем, захочу – тут останемся. А захочу, возьму тебя за горло и...

Цент не успел озвучить свою мечту, потому что пожаловали зомби. Наглые твари окружили грузовик, принялись колотить руками по дверям, один мертвец, вместе с признаками жизни потерявший остатки совести, полез на крышу, и, свесившись оттуда, начал бить кулаком по лобовому стеклу. Из каждого окна в кабину глядели гнусные рожи, страшные до дрожи, скалили зубы, рычали, чуя свежую плоть. Владик от подобного зрелища звонко испугался низом, чем окончательно вывел Цента из себя. Мало того, что залез без спроса, так еще и атмосферу отравляет своими флюидами отваги.

– Еще раз такое сделаешь, и тебе не жить! – предупредил его Цент, трогаясь с места.

Грузовик легко проторил себе путь сквозь толпу зомби, несколько вурдалаков даже угодили под колеса. Дольше всех держался тот, что влез на крышу, но Цент и от этого пассажира отделался – резко ударил по тормозам, и мертвец, скатившись по лобовому стеклу, рухнул на асфальт. Грузовик тронулся, под колесом что-то смачно хрустнуло. Цент весело оскалился – одним зомби меньше. Было бы еще лучше, если бы второе колесо проехал по Владику. Но куда там! Очкарик был жив, мало того, сидел рядом и ныл. Цент терпеть не мог профессиональных плакальщиков, у которых всегда есть повод пожаловаться, и которые пользуются тем, что большинство людей слишком испорчены хорошим воспитанием и не могут прямо сказать, насколько до лампочки им все эти не их проблемы. Вот и Владик был таким плакальщиком. Он плакался, что у него болит нога, что болит рука, что он устал, напуган, голоден, что он уже целые сутки не пил йогурт с живыми бактериями, без которого в принципе невозможна нормальная работа желудочно-кишечного тракта. От этой жалобной книги у Цента за две минуты разболелась голова. К счастью, бывший рэкетир не страдал хорошими манерами, и когда ему что-то не нравилось, говорил об этом прямо и чаще в нецензурной форме.

– У меня, наверное, перелом или вывих, – бормотал Владик, пытаясь задрать штанину и рассмотреть травмированную ногу. – Было так больно, когда упал. Я подумал...

Цент выразительно кашлянул, а когда Владик повернулся к нему, то бывший рэкетир одним свирепым взглядом наложил на болтливые уста программиста обет молчания. Для себя же решил – если очкарик опять заведет жалобную книгу, то будет катапультирован на полной скорости.

Этой дороги Цента не знал, поскольку никогда тут не был, а Владик без навигатора не сумел бы найти дорогу даже до туалета. Обыск грузовика тоже не дал никаких результатов – в бардачке были только документы на машину, под сиденьем покоилась монтировка. Цент взвесил ее на руке, и нашел, что его бите данное оружие уступает по многим параметрам.

– Держи, – сказал он, протягивая находку Владику.

– Зачем это? – удивился программист, принимая монтировку.

– Будешь отбиваться от мертвецов.

– Я?

– Ну, можешь не отбиваться, тогда они тебя съедят.

Владик побледнел и уставился на железку в своих руках.

– Я этого раньше никогда не делал, – признался он тихо.

– Чего именно?

– Ну, не бил зомби.

– Ерунда, научишься. Это все равно, что бить живых людей. Так же приятно.

– Но я и живых никогда не бил.

Цент покосился на своего спутника, и охотно поверил тому на слово. Не было ощущения, что очкарик сможет за себя постоять. До сих пор его спасало откровенное везение, но оно рано или поздно кончится. И тогда Владик будет съеден. Как же это здорово!

– Нам нужно выяснить, что произошло, – сказал Владик. – Может быть, есть еще уцелевшие люди. Может быть, их куда-нибудь эвакуировали?

– Ты у меня спрашиваешь? – удивился Цент. – Я не знаю.

– Нет, я просто думаю. Пытаюсь думать. Но это такой кошмар, что он в голове не укладывается. Я не могу поверить, что все это правда. А Марина... Ой! Ее больше нет!

И Владик самым отвратительным образом разрыдался. Глядя на утопающего в слезах и соплях программиста, что-то шевельнулось в душе бывшего рэкетира. Что-то похожее на жалость. Цент тут же с возмущением подавил это шевеление, а вместо слов поддержки и ободрения выдал Владиду звонкую затрещину.

– Хватит мою тачку слезами пачкать! – потребовал он. – Возьми себя в руки, тряпка! Нашел из-за кого реветь. Маринку ему жалко. Да ты молиться должен на зомби-апокалипсис, только он спас тебя от женитьбы на этой макаке.

– Не говори так, – замотал головой безутешный Владик. – Я ее так любил...

– Да кончай! – фыркнул Цент. – Она же страшная как зомби... была, еще до того, как стала зомби. И тупая. И старше тебя лет на двадцать. И вообще, ты не все о ней знаешь.

– О чем ты? – заинтересовался Владик, временно прекратив истерику.

Цент не видел причин хранить тайну прошлого Маринки.

– В общем, твоя несостоявшаяся невеста была, в свое время, этой... как сказать? Ну... Поведения, в общем, легкого.

– Я не понимаю, – пробормотал Владик.

– Что взять с тупого? Проституткой она была, вот кем. И, должен сказать, у нее даже это плохо получалось. Меньше всех дохода приносила, коза ленивая.

Владик с минуту переваривал сенсацию, а затем заявил:

– Я тебе не верю!

– Не верь, – пожал плечами Цент. – Только зачем мне врать? Была бы Маринка жива, тогда да, мотив бы имелся – нагадить этой макаке, сорвать свадьбу и насладиться видом ее зарезанной лошадиной физиономии. А теперь-то что? Теперь резона никакого.

После этих слов Владик думал долго и напряженно, а затем выдал такое, что Цент чуть с дороги не съехал.

– Мне все равно, – заявил программист. – Это все в прошлом. Теперь она другая.

Но Цент не позволил Владиду отделаться так легко. Иного компромата на Маринку у него не было, но зато имелась богатая фантазия и страстное желание заставить очкарика страдать морально.

– Ну, не все так просто, – заметил он. – За деньги-то она перестала, потому что за ее несвежее туловище уже никто и копейки не заплатит, а вот бесплатно...

– Что? – всполошился Владик.

– Ну, всего я не знаю, – подпустил туману Цент, – но кое-что от Анфисы слышал.

– Что слышал?

– О твоей Маринке и об ее, так сказать, любовниках.

– О ком? О каких любовниках?

– Их там трое или четверо, я точно не помню. Один с ее работы, второй сосед, третий какой-то старый знакомый... А, ну да. Еще ты. Тогда точно четверо.

К несказанному удовольствию Цента Владик обрушился в пучину страданий и залился горячими слезами. Бывший рэкетир крутил баранку и скалил зубы, ощущая резкий подъем самооценки. Пальцем лоха не тронул, а каким мучениям подверг. Талант! Талант от бога.

Минут через тридцать они добрались до некоего населенного пункта. Цент, заметив его, выразил желание пошарить по сусекам с целью пополнения запасов продовольствия, но как только они въехали в пределы деревни, планы пришлось пересмотреть. Повсюду были зомби. Мерзкие, жуткие, окровавленные, они будто нарочно терлись вдоль дороги, а завидев автомобиль, радостно кинулись к нему, протягивая вперед руки. О том, чтобы остановиться и с головой отдаться мародерству не могло быть и речи, Цент даже скорость сбрасывать побоялся – не дай бог грузовик заглохнет, и что тогда?

– Сколько их! – ужаснулся Владик. – Неужели все люди на свете превратились в этих чудовищ? Как подумаю, что остались только мы...

– Да, мне тоже от этой мысли не по себе, – поддержал его Цент. – Как подумаю, что на всем белом свете помимо меня остался только лох в очках, аж в дрожь кидает. И почему вместо тебя не выжил какой-нибудь конкретный пацан, а еще пара молоденьких телок?

Миновали деревню и вновь с обеих сторон пошли бескрайние поля. Цент не совсем понимал, в каком направлении они движутся, и, что куда важнее, совершенно не понимал, куда им двигаться нужно. Окрестные деревни кишели ходячими мертвецами, логика подсказывала, что в городе дела обстоят не лучше. То есть, они, вероятно, обстоят куда как хуже, потому что концентрация двуногой биомассы там заметно выше, чем на периферии. Зато в городе было больше мест, где можно спрятаться от зомби. И, самое главное, в городе была еда. Много еды. И пиво. И сигареты.

– Что мы будем делать? – спросил Владик. – Куда поедем?

Цент не успел и рта раскрыть, как автомобиль чихнул пару раз, и заглох. Первая мысль, что бензин закончился, оказалась неверной. Датчик показывал, что в баке еще полно топлива. Либо датчик врал, либо средство передвижения сломалось.

Выбравшись из машины, Цент обошел грузовик по кругу и в сердцах ударил его ногой по колесу.

– Что с машиной? – спросил Владик, не без опаски выбираясь наружу.

– Не знаю.

– Может, свечи залило?

– Проверь.

Владик не стал этого делать, потому что даже приблизительно не представлял себе, где в автомобиле свечи и зачем они нужны, а о том, что их может залить, слышал в автомастерской, куда гонял на ремонт свою машину.

– Что будем делать? – спросил он.

– Да отвяжись ты! – рыкнул Цент. – Пристал со своими вопросами как баннный лист к банщику.

Сам он зашел грузовику в тыл и распахнул двери кузова. Понадеялся, что внутри окажется что-то такое, что поможет им в нелегком деле выживания в условиях зомби-апокалипсиса. Почти не ошибся – в кузове оказались мешки с цементом.

– Что же за день-то такой? – сокрушенно спросил Цент у неба. Небо не ответило. Владик заглянул в кузов, увидел цемент и благоразумно воздержался от комментариев.

Дальше пришлось идти пешком. Цент не любил туризм, и вообще всегда считал, что пешком ходят и на автобусах ездят одни лохи, а реальные перцы рассекают на крутых тачках. Сказать по правде, сейчас он согласился бы и на жидкую, лишь бы не выворачивать ноги.

Куски куртки Владика, каковыми Цент обмотал ступни, давно протерлись до дыр. Цент стащил с ног эти ошметки и пошел босиком. Асфальт был неприятно холодный, на его поверхности часто попадались мелкие камешки, причинявшие дискомфорт. А тут еще рядом шел себе и в ус не дул программист, на ногах которого красовались удобные ботинки. В том, что крутой перец терпит неудобства, а лох нет, Цент увидел величайшую несправедливость. Подоб-

ное положение вещей противоречило основным законам мироздания, оно потрясло устои вселенной. Цент понял, что должен все исправить.

– Разувайся, – приказал он Владику.

– Что? Зачем? – тут же начал сыпать тупыми вопросами программист, напоминая этим ныне покойную Анфису.

– Обувь снимай! – прикрикнул Цент. – Живо. А иначе я тебя ударю.

В подтверждение своих слов Цент сунул Владику под нос окровавленную биту, и предложил понюхать, чем она пахнет. Пахло орудие смерти. Этот запах отшиб Владику желание задавать вопросы, будь они глупые или умные. Вместо этого он быстро разулся, оставшись в одних носках.

– Носки тоже, – скомандовал Цент.

Владик снял и носки. Тогда Цент схватил его ботинки, размахнулся, и бросил далеко в поле. Программист проследил за их полетом, после чего повернул к Центу лицо, отражающее лишь одну эмоцию – искреннее недоумение.

– Теперь пойдем, – сказал бывший рэкетир, чувствуя огромное облегчение. Конечно, сравняться с лохом это не достижение для крутого перца, но это гораздо лучше, чем было прежде, когда какой-то прыщавый Владик шел в ботинках, а он, гроза жадных коммерсантов, шлепал босиком.

– А можно я за ботинками схожу? – попросился Владик.

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Потому что вначале обуешь я, а потом, возможно, ты. И никак иначе.

Босоногая бригада брела по дороге уже битый час, а окрестные пейзажи даже не думали меняться. Цент устал, ступни с непривычки болели, в душе закипала злость. Владик, судя по его перекошенной горем физиономии, тоже страдал, но общение с Центом научило его держать свои горести при себе.

– Боже, как же запарили эти родные просторы! – не выдержал Цент, доведенный до белого каления бескрайностью родимой сторонки. Теперь он понимал, почему многочисленные попытки захвата родины просвещенными европейцами потерпели фиаско. Да никаких ног не хватит бродить по этой бесконечной территории, пока дойдешь до места битвы, уже и воевать десять раз расхочется.

– Пить хочется, – не удержался, и пожаловался Владик.

– Тебе-то ладно, ты потерпишь, – отмахнулся Цент. – Вот мне точно хочется. Да и перекусить бы недурно.... Так, стоп! Что это там?

Метрах в трехстах дальше по дороге виднелся автомобиль, нагло припаркованный прямо на разделительной полосе. Все двери были распахнуты настежь, признаков жизни или излишне активной смерти не наблюдалось.

– Тачка! – обрадовался Цент. – Так, очкарик, тебе поручается ответственное задание.

Владик еще не знал какое, но интуитивно почувствовал, что оно ему не понравится. И интуиция не подвела.

– Нужно пойти в разведку, – пояснил Цент.

– Мне? – испугался Владик. – Одному?

– Верно. Если пойдут все, это уже не разведка, а первомайская демонстрация. Ты мелкий, невкусный, сумеешь незаметно подобраться.

– Да тут же даже спрятаться негде... – простонал программист, и это была чистая правда.

На обочине после зимы даже не успела толком вырасти трава.

– Ну, я уж не знаю, как тебе быть, – вздохнул Цент. – Прояви смекалку.

– Я, наверное, не смогу, – признался Владик.

– Владик, – ласково произнес изверг, – если ты сейчас же не пойдешь к той машине и не убедишься, что там безопасно, я возьму вот эту битую, и так тресну тебя по голове, что вобью в землю по пояс.

– Я пойду! – выпалил программист, пятась от чудовищного спутника.

– И живее, – напутствовал героя Цент. – Бояться не надо, у тебя монтировка. Если что – дерись. Ты же мужик, вроде бы.

Владик шел к автомобилю как на смерть. Прятаться было негде, так что он брел прямо по асфальту, с каждым следующим шагом чувствуя крепчающий холод в животе и дрожь в коленках. Один раз оглянулся, надеясь, что Цент передумает и позволит ему вернуться, но изверг замахал руками, дескать, иди дальше, а потом стал водить себе ладонью по горлу и разить воздух битой. Владик понял смысл этой пантомимы без подсказок. Так уж сложилось, что зомби-апокалипсис он встретил в компании самого ужасного человека на всем белом свете, который своим поведением и манерой общения с окружающими мало отличался от живых мертвецов. Хуже всего было то, что Владик не мог убежать от Цента, потому что бежать было попросту некуда. Все вокруг кишело зомби, а это значило, ему придется находиться в обществе изверга из девяностых еще какое-то время, пока их не спасут. Владик даже думать боялся о том, что спасение может и не прийти, что спасти его уже некому. Такого не могло быть. Ведь уцелели же как-то они, значит, и другие люди могли выжить. Нормальные, в смысле, люди, не такие, как Цент.

Автомобиль оказался внедорожником. Видимых повреждений на его корпусе не было. Отчаянно трусая, Владик медленно приблизился к машине и заглянул в салон, благо все двери были настежь. Заглянул, и тут же едва не бросился бежать: заднее сиденье было залито кровью.

– Ну что там? – прокричал Цент с безопасного расстояния.

– Кровь, – отозвался Владик.

– А зомби есть?

– Кажется, нет.

– Ладно, иду.

Владик повернулся к автомобилю, и вздрогнул – прямо перед ним, всего в двух шагах, стояла маленькая девочка и скалила окровавленные зубы. Это был кошмар в кубе. Владик всегда боялся детей, даже самых обычных, живых. То есть, он боялся, что дети когда-нибудь появятся у него. Он видел, во что превращалась жизнь его знакомых, когда у тех появлялись дети, видел, как счастливые пары ввергались в пучины бытового ада этими крошечными орущими монстрами, стремящимися лишь к одному – поглотить все время и все финансовые средства своих родителей.

Был у Владика друг, старый друг, еще со школы. Сколько же подземелий они прошли плечом к плечу, во скольких рейдах рубились с боссами спина к спине! Потом друг женился, и все у него было хорошо, ничто не предвещало беды, Владик ему даже немного завидовал. А затем случилось нечто катастрофическое – жена друга принесла потомство. И с того дня друга как подменили. Орущий наследник лишил отца всех радостей жизни, у того даже не осталось времени на любимые игры. Когда Владик приходил к другу в гости, он видел в его квартире суший ад – крики ребенка не смолкали ни на минуту, счастливый папаша, бледный, осунувшийся, безрадостный, метался то в магазин за подгузниками, то в магазин за молоком, а ведь ему еще нужно было работать и содержать семью.

И вот, насмотревшись на все эти ужасы, Владик понял, что не хочет детей. Ведь они помешают ему играть в любимые игры, внесут хаос в его размеренную и тихую жизнь, а когда подрастут, начнут тянуть руки к святому – к компьютеру отца. Дети были опасны, они приходили в этот мир, чтобы поскорее свести своих родителей в могилы. Ну а дети-зомби, естественно, были втрое опасны.

Девочка зарычала, и пошла на Владика. Тот, мощно потея, попятился, выставив перед собой монтировку.

– Не подходи! – дрогнувшим голосом потребовал он, хоть и понимал, что это бесполезно. Даже живые дети не понимают слов и делают что хотят, так что глупо ждать послушания от ребенка-зомби.

Девочка ускорила шаг, Владик приготовился спастись бегством.

– Посторонись! – прогремел за его спиной грозный голос Цента. Владик бросился в сторону, мимо него на всех парах промчался изверг из девяностых, взмахнул битой, и окровавленная девочка взмыла в воздух. Не успела она упасть на асфальт, как Цент уже набегал на нее, готовя контрольный удар. Владик невольно зажмурился, когда бита изверга вдребезги разнесла зомби-ребенку голову.

– Вот так! – самодовольно изрек Цент, помахивая окровавленным орудием труда. – Учись обращаться с детьми. Ого! А тачка-то крутая. В самый раз для меня. Ключи на месте?

– Я не успел посмотреть, – промямлил чуть живой от пережитого стресса Владик.

– Интересно, что ты делал? – буркнул Цент, заглядывая в салон. Ключи были в замке зажигания.

Навигатор в автомобиле наличествовал, но он почему-то не работал. Зато в бардачке обнаружилась карта дорог области, и Владик, после длительного изучения оной под аккомпанемент угроз со стороны Цента убить его за отсутствие результатов, все же сумел примерно выяснить, где они находятся.

– Посмотри, как нам лучше до города добраться, – скомандовал Цент, изучая подборку музыки бывшего владельца автомобиля. Как и ожидалось, песни были одна хуже другой, ни одного хита в стиле русского шансона, сплошная попса и завывания не по-русски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.